

Тоби Уилкинсон

ИСТОРИЯ

The Rise and Fall of Ancient Egypt

ДРЕВНИЙ ЕГИПЕТ

Подъем и упадок

и с т о р и я в о д н о м т о м е

История в одном томе

Тоби Уилкинсон

Древний Египет. Подъем и упадок

«Издательство АСТ»

2010

УДК 94(32)
ББК 63.3(0)31

Уилкинсон Т.

Древний Египет. Подъем и упадок / Т. Уилкинсон —
«Издательство АСТ», 2010 — (История в одном томе)

ISBN 978-5-17-097145-9

Тоби Уилкинсон – английский египтолог, выпускник Кембриджа, участвовал в раскопках древнеегипетских городов Буто и Мемфис. В настоящее время является почетным членом факультета археологии Университета Дарема, входит в редколлегию «Журнала египетской истории». Древний Египет... Его история, охватывающая 3000 лет... В долине Нила века сменялись другими веками, династии сменяли другие династии, а царства сменяли другие царства... Не было в человеческой истории государственности, просуществовавшей столь долгий срок без перерыва... Свою книгу Т. Уилкинсон посвятил взлетам и падениям Древнего Египта, в ней автор подробно рассказывает нам эпическую историю великой цивилизации – от ее рождения как первого национального государства до окончательного вхождения в Римскую империю. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 94(32)
ББК 63.3(0)31

ISBN 978-5-17-097145-9

© Уилкинсон Т., 2010
© Издательство АСТ, 2010

Содержание

Предисловие редактора	6
От автора	9
Об именах собственных	9
О датах	10
Хронологическая таблица	22
Пролог	23
Часть I	29
Глава 1. Начало начал	30
Первый царь Египта	30
Пустыня в цвету	31
Набирая скорость	33
Дар Нила	36
Обе страны	38
Глава 2. Бог воплощенный	42
Царь, да живет он вечно	42
Корона и скипетр	44
Главная роль	46
Чем роскошнее, тем лучше	47
Глава 3. Абсолютная власть	51
Экономика и письменность	51
Налоги и гробницы	53
Время перемен	56
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Тоби Уилкинсон

Подъем и упадок Древнего Египта

*«Я – Озимандия, я – мощный царь царей!
Взгляните на мои великие деянья,
Владыки всех времен, всех стран и всех морей!»
Кругом нет ничего... Глубокое молчанье...
Пустыня мертвая... И небеса над ней...
Перси Биши Шелли, «Озимандия»
(Перевод К. Бальмонта)*

Toby Wilkinson
THE RISE AND FALL OF ANCIENT EGYPT

Перевод с английского В. Гончарова, А. Немировой

© Toby Wilkinson, 2010 © Перевод. В. Гончаров, 2016 © Издание на русском языке AST
Publishers, 2019

Предисловие редактора

Тоби Уилкинсон (род. в 1969 году) – английский египтолог, которого считают одним из лучших современных специалистов в этой области. Интерес к прошлому Древнего Египта зародился у Уилкинсона в возрасте пяти лет, о чем он сам вспоминает в этой книге. В 1993 году, завершив курс обучения в Кембриджском университете с почетной наградой, Уилкинсон приступил к преподавательской деятельности. Он также участвовал в раскопках древнеегипетских городов Буто и Мемфис. В настоящее время Уилкинсон является почетным членом факультета археологии университета в городе Дарем, входит в редколлегия «Журнала египетской истории». Он многое делает для популяризации науки: выступает по радио и на телевидении, ездит с лекциями по всему миру. С 1999 по 2010 год Уилкинсон опубликовал 6 книг, из них та, которую мы здесь представляем, в 2011 году была награждена премией как лучшая научно-популярная работа по истории.

Сомневаться в справедливости этой награды не приходится: книга хорошо написана, богата информацией, но все-таки не свободна от недостатков, которые часто свойственны авторам, увлеченным собственной концепцией. Стараясь подтвердить наличие в Египте социальных конфликтов, Уилкинсон слишком осовременивает их, что подчеркивается отказом от египетских терминов той эпохи, даже тех, которые нам фонетически приемлемы, и постоянным применением терминов Новейшего времени (например, заимствованный у арабов «визирь» вместо египетского «чати», «генерал», «пропаганда», «фермер», «элита» и т. п.). Кроме того, необходимость как можно более сжато изложить множество событий то и дело приводит к невнятности текста, что дезориентирует читателя в хронологии и искажает общую картину. Временами автор допускает и чисто фактические ошибки (например, в местоположении или названиях объектов). Эти недостатки легко устранимы с помощью примечаний, что и было нами сделано.

Мы также сочли уместным отмечать те случаи, когда в науке существует мнение, отличное от изложенного автором. В частности, вызывает сомнения уверенность автора в том, что древние египтяне не признавали божественной природы царской власти, поскольку ее не признают наши современники. Однако мы опираемся на исторический опыт Нового времени – а у египетского народа имелся лишь опыт архаических эпох, когда вождь был фигурой сакральной. Ни мятежи вельмож, ни возмущение простых граждан Египта произволом чиновников не исключали веры в божественность государя, по крайней мере, у части населения. Если уж прибегать к аналогиям из современности, вспомним, что у русского народа вера в доброго «батюшку-царя», несмотря на все эксцессы монархии, сохранялась вплоть до 1905 года.

Помимо поправок, внесенных в текст книги и в предисловие, мы хотели бы подробнее рассмотреть один момент, выходящий за рамки египетской истории как таковой: это вопрос библейского сюжета о Моисее и исходе из Египта. Этим преданиям посвящена в Библии книга «Исход». Среди исследователей Библии нет согласия о степени историчности, возможной дате и обстоятельствах изложенных в ней событий. В части IV своей книги Уилкинсон касается этой темы, рассказывая о царствовании Рамзеса II – но при этом допускает ряд неточностей. Поскольку изложение любого вопроса, связанного с Библией, требует особой аккуратности, а дополнительных фактов довольно много, мы приведем их здесь, чтобы не загромождать большими примечаниями основной текст.

В кн. «Исход» (1:11) упоминается, что евреи «построили фараону Пифом и Раамсес, места для запасов». Такие города действительно существовали. На сравнительно небольшой территории в дельте Нила располагается много археологических объектов, среди них раскопки Кантира (определенные как Пер-Рамзес), южнее Кантира – остатки построек на холмах Телль-эль-Масхута и (в 12 км к западу) Телль-эль-Ретаба. Телль-эль-Масхута был отождеств-

лен раскопавшим его в 1883 году Невиллом с Пифомом, поскольку были найдены развалины городской стены, гранитные статуи Рамзеса II, склады и две надписи *Pr-Im* (Пер-Атон, «храм Атона»). Но точное местонахождение Пифома не установлено, несмотря на обилие упоминаний о нем в греческих, римских и библейских источниках. Недавние находки показали, что такой же храм имелся и в Телль-эль-Ретабе. По-видимому, храм Атона, вместе с окружающим его селением, перенесли на новое место, а с ним и название «Пифом» (подобные переносы не редкость в истории Египта). Раскопки Телль-эль-Масхута в 1978–1985 годах показали, что там еще в XVII–XVI веках до н. э. существовало поселение гиксосов, а затем жизнь возобновилась лишь в VII веке до н. э.

Что касается библейского Раамсеса (Пер-Рамзес), то этот город, созданный на берегу Пелузийского рукава Нила, процветал еще сто с лишним лет после смерти фараона-основателя. Около 1060 года до н. э. заиливание реки оставило город без воды, а Нил образовал новый, Танитийский рукав западнее. Туда и перенесли столицу при XXI династии. В связи с этим в новый город, удаленный на 30 км (ныне Танис), перевезли большое количество монументов из Пер-Рамзеса: храмы разбирали по частям, обелиски, стелы, статуи перемещали целиком. Менее важные здания использовали как источник строительного камня. Однако Пер-Рамзес не был забыт, а при XXII династии (X век до н. э.) вновь был заселен. Установленные учебными хронологические рамки и материальные факты заставляют усомниться в том, что историю Исхода можно соотнести с эпохой Рамзеса II; да и сокращенная форма «Раамсес» известна в текстах лишь с X века до н. э.

Почему место, где происходила эта история, именуется «местом запасов»? Так, приблизительно, было передано неясное выражение при переводе с древнего оригинала; считается, что речь идет о войсковых складах на границе Египта или рядом с ней. Однако назвать так Пифом можно было лишь в VI веке до н. э., а уж к столице царей времен Рамзеса II, когда ближайшая граница проходила гораздо севернее, в Сирии, это определение и вовсе не подходит. Только после того, как первоначальная функция и название Пер-Рамзеса были забыты, его руины могли принять за остатки крепости на египетской границе. Следовательно, рассказ о Моисее составлялся гораздо позже той эпохи, к которой он отнесен, и вряд ли основан на строго историчных документах.

В заключение необходимо упомянуть об интересном стилистическом приеме, которым воспользовался автор – очевидно, чтобы дополнительно подчеркнуть аналогии с другими временами и странами, и в первую очередь с Британской империей. Он вводит в качестве заголовков разделов своей книги словосочетания, характерные для европейской культуры и истории – например, «Золотой век», «Естественный отбор», «Правитель эпохи Возрождения», «Семейные ценности», либо военного дела и политики: «Победа любой ценой», «На линии фронта», «Военное положение», «Годен в строй», «Ответный удар», «Одна страна, две системы», «Церковь и государство», а также христианской религии: «Единый истинный бог», «Божественное право», «Рай земной», «Святая святых»... Мы находим здесь и поговорки: «Все дороги ведут в Рим», «После нас – хоть потоп», и названия литературных произведений, иногда перефразированные («Война и мир», «Преступление без наказания», «Опасные связи»). Заголовок «Назад в будущее» отсылает нас к фантастическому фильму Стивена Спилберга (1985 год), «Конец невинности» – название песни известной группы «Найтвиш».

Но больше всего, что неудивительно, аллюзий на классических английских авторов – начиная от детской считалки (и романа Роберта Пенна Уоррена) «Вся королевская рать». «Повесть о двух городах» – Чарльз Диккенс (1859), «Гордость и предубеждение» – Джейн Остин (1813), «Долгое прощание» – Рэймонд Чендлер¹ (1954) и знаменитый фильм по этому

¹ Чендлер, классик американского детектива, несколько выбивается из этого ряда – если забыть, что он с 19 лет имел британское гражданство. (Прим. ред.)

роману (1973), «Дивный новый мир» – роман Олдоса Хаксли (1932), в заглавие которого вынесена строка из трагикомедии Шекспира «Буря». Сам Шекспир тоже не забыт: «Распалась связь времен» – цитата из «Гамлета». И Джону Мильтону место нашлось: «Воссияй, имя его над миром» (*Blaze his name abroad*) – это из его псалма CXXXVI. Наконец, в книге звучит даже строка из патриотического гимна «Правь, Британия!»: «На страх и зависть всем врагам» (*The dread envy of them all*).

От автора

Об именах собственных

Имена древних египтян и названия мест далее воспроизводятся максимально близко к их первоначальному, исконному звучанию (если оно известно), за исключением тех случаев, когда позднейшие, искаженные греками варианты укоренились в научной литературе: отсюда Мемфис вместо Мен-нефер (или еще более раннего Инбу-хедж); Фивы (и фиванцы), а не Уасет (и не «уасетцы»); Саис вместо Са и Гераклеополис вместо Нен-несут. Для удобства чтения современные варианты приводятся в скобках после первого упоминания древнего топонима, а для классических названий дается древний эквивалент.

По той же причине имена персидских и греческих правителей Египта в VI–I веках до н. э. приводятся в традиционной форме: например, Дарий вместо Дариявуш, Птолемей, а не Птолемайос, Марк Антоний вместо Маркус Антониус и т. п.

Царей египетских на протяжении почти всей истории страны именовали по их тронным именам; но эти типовые, часто очень длинные прозвания труднопроизносимы и никому не известны, кроме специалистов-египтологов². Поэтому в наше время царей обычно называют по личным именам, а поскольку они многократно повторяются, принято добавлять к ним номера римскими цифрами (Тутмос I–IV, Птолемей I–XV).

² В связи с особенностями египетской системы письма точное установление звучания слов и имен не представляется возможным, поскольку гласные на письме не воспроизводились. На основании фонетики современного коптского языка, отдаленного «потомка» древнеегипетского, этот пробел был частично восполнен – но неясностей всё еще остается много. Поэтому одно и то же имя может писаться по-разному, например, Амон или Аменхотеп, Тот или Тутмос. Неизвестно также, звонко или глухо произносились некоторые согласные, поэтому равноценны такие варианты, как Рамзес и Рамзес, Хор и Гор, и т. п. (*Прим. перев.*)

О датах

Во всех приводимых в тексте датах подразумеваются годы до нашей эры, за исключением пролога, эпилога и особо оговоренных случаев. Для дат, более ранних, чем 664 год до н. э., возможны погрешности: на 10–20 лет для Нового царства, от 50 до 100 – для Раннего династического периода; мы пользуемся датировками, которые считаются общепринятыми среди специалистов. Начиная с 664 года до н. э., благодаря наличию источников вне Египта, хронология становится точной.³

³ Напомним, что для дат этой эры меньшая цифра обозначает более поздний год. (*Прим. перев.*)

Имя и даты	Деятельность в Египте	События за рубежом
РАННИЙ ДИНАСТИЧЕСКИЙ ПЕРИОД, 2950–2575		
<i>Первая династия, 2950–2750</i>		
Нармер	Объединение Египта	В Ирландии построена каменная гробница в Ньюгрейндже
Аха		
Джер		
Джет		
Ден		
Анеджиб		
Семерхет		
<i>Вторая династия, 2750–2650</i>		
Хетепсехемуи		
Небра		
Нинетжер		Образование Эламского царства
Несколько эфемерных царей		
Перибсен		
Хасехемуи		Первые свидетельства производства шелка в Китае
<i>Третья династия, 2650–2575</i>		
Неджерикет (Джосер), 2650–2620	Ступенчатая пирамида в Саккаре	
Сехемхет		
Хаба		
Санахт		
Хуни, 2600–2575		Возникновение индийской цивилизации

ДРЕВНЕЕ ЦАРСТВО 2575–2125		
<i>Четвертая династия, 2575–2450</i>		
Снофру, 2575–2545	Расцвет строительства пирамид	
Хуфу, 2545–2525	Великая пирамида в Гизе	
Джедефра		
Хафра	Завершен Большой Сфинкс	
(эфемерный, безымянный царь)		
Менкаура		
Шепсескаф		
<i>Пятая династия, 2450–2325</i>		
Усеркаф	храмы Солнца	
Сахура		
Нефериркара		
Шепсескара Иси		
Неферефра		
Ниусерра		
Менкаухор		
Джедкара Исеси		Саргон основывает Аккадское царство
Унас, 2350–2325	Составлены Тексты пирамид	
<i>Шестая династия, 2325–2175</i>		
Тети		
Усеркара		
Пепи I, 2315–2275		
Мернера		
Неферкара Пепи II, 2260–2175	Экспедиции Харкуфа в Нубию	

<i>Восьмая династия, 2175–2125</i>		
Восемнадцать эфемерных царей, в том числе:		
Немтиэмсаф II	Ослабление царской власти	
Нейतिकерти Сиптах		
Иби		
Неферкаура		
Неферкаухор		
Неферирикара		
ПЕРВЫЙ ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД, 2125–2010		
<i>Девятая / Десятая династии, 2125–1975</i>		
Несколько царей, в том числе: Хети I	Появление культа Осириса	
Хети II		
Мерикара		
<i>Одиннадцатая династия, 2080–1938</i>		
Интеф I	Начало гражданской войны	Основная фаза постройки Стоунхенджа
Интеф II		Возникновение минойской цивилизации на Крите; падение Индской цивилизации
Интеф III		
СРЕДНЕЕ ЦАРСТВО, 2010–1630		
Ментухотеп II, 2010–1960	Конец гражданской войны; объединение Египта	
Ментухотеп III, 1960–1948		
Ментухотеп IV, 1948–1938		

<i>Двенадцатая династия, 1938–1755</i>		
Аменемхет I, 1938–1908	Расцвет литературы	
Сенусерт I, 1918–1875	Построены крепости в Нубии	
Аменемхет II, 1876–1842		Первые свидетельства одомашнивания лоша- ди в Центральной Азии
Сенусерт II, 1842–1837		
Сенусерт III, 1836–1818		
Аменемхет III, 1818–1770	Освоение оазиса Фай- юм	Составлен кодекс Хаммурапи
Аменемхет IV, 1770–1760		Традиционная дата основания династии Шань в Китае, 1766
Собекнефру, 1760–1755		
<i>Тринадцатая династия, 1755–1630</i>		
Не менее 50 царей, в том числе: Собекхотеп III	Азиатские племена за- селяют Дельту	Основание Хеттского царства
ВТОРОЙ ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД, 1630–1539		
<i>Четырнадцатая династия</i>		
Несколько эфемер- ных царей, начиная от Нехеси	Политическая раздро- бленность	
<i>Пятнадцатая (гиксосская) династия, 1630–1520</i>		
Шесть царей, в том числе: Хиан, 1610–1570		
Апопи, 1570–1530	Гражданская война с Фивами	
Хамуди, 1530–1520		

<i>Шестнадцатая династия</i>		
Несколько эфемерных царей, в том числе: Неферхотеп III		
Ментухотепа		
<i>Семнадцатая династия</i>		
Много царей, в том числе: Рахотеп		Возникновение Микенской цивилизации в Греции
Нубхеперра Интеф		Вавилон разорен хеттами
Собезмсаф II		
Секененра Таа Таа, 1545–1541	Сражения с гиксосами	
Камос, 1541–1539		
НОВОЕ ЦАРСТВО, 1539–1069		
<i>Восемнадцатая династия, 1539–1292</i>		
Яхмос (I), 1539–1514	Гиксосы побеждены и изгнаны	
Аменхотеп I, 1514–1493	Начаты захоронения в Долине Царей	
Тутмос I, 1493–1481	Завоевание Нубии	
Тутмос II, 1481–1479		
Тутмос III, 1479–1425	Битва при Мегиддо, апрель 1458	Микенцы завоевывают Крит, гибель Микенской цивилизации
Хатшепсут, 1473–1458		
Аменхотеп II, 1426–1400	Египетская империя в Леванте	
Тутмос IV, 1400–1390		Линейное письмо «В» на Крите
Аменхотеп III, 1390–1353	Монументальное строительство в Фивах	

Аменхотеп IV — Эхнатон, 1353–1336	Основание Ахет-Атона, 1349	
Нефернефруатон, 1336–1333		
Сменхкара, 1333–1332		
Тутанхамон, 1332–1322		
Аи, 1322–1319		
Хоремхеб, 1319–1292	Усилилось значение армии	Расцвет цивилизации ольмеков в Мексике
<i>Девятнадцатая династия, 1292–1190</i>		
Рамзес I, 1292–1290		
Сети I, 1290–1279		
Рамзес II, 1279–1213	Битва при Кадеше, май 1274	
Мернептах, 1213–1204	Вторжение ливийцев, 1209	Разорена столица хеттов
Сети II (Сети-Мернептах), 1204–1198		
Аменмессе, 1204–1200		
Тауорсет, 1198–1190		
<i>Двадцатая династия, 1190–1069</i>		
Сетнахт, 1190–1187		
Рамзес III, 1187–1156	Битва с народами моря	Традиционная дата падения Трои, 1184
Рамзес IV, 1156–1150		Падение микенской цивилизации
Рамзес V, 1150–1145		
Рамзес VI, 1145–1137		
Рамзес VII, 1137–1129		
Рамзес VIII, 1129–1126		
Рамзес IX, 1126–1108	Начало разграбления гробниц	

Рамзес X, 1108–1099		
Рамзес XI, 1099–1069		
ТРЕТИЙ ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД, 1069–664		
<i>Двадцать первая династия, 1069–945</i>		
Несбанебджедет, 1069–1045	Формальное разделение Египта	Составление Ригведы в Индии
(Херихор, 1069–1063)		
(Пинеджем I, 1063–1033)		
Аменемнису, 1045–1040		
Пасебакхенниут I, 1040–985		
Аменемпис, 985–975		
(Пинеджем II, 985–5960)		
Осоркон Старший, 975–970		
Сиамон, 970–950		
Пасебакхенниут II, 950–945		
<i>Двадцать вторая династия, 945–715</i>		
Шошенк I, 945–925	Египет завоевал Иудею	Смерть царя Соломона, разделение его царства на Израиль и Иудею
Осоркон I, 925–890		Подъем ассирийской империи
Шошенк II, 890		
Такелот I, 890–874		
Осоркон II, 874–835	Отделение Фив	
Шошенк III, 835–793		Традиционная дата основания Карфагена, 814

Шошенк IV, 793–783		Возникновение этрусской цивилизации в Италии
Пимаи, 785–777		Первое упоминание об Олимпийских играх, 776
Шошенк V, 777–740		Традиционная дата основания Рима, 753
Падибастет (II), 740–730		Гомер сочинил Илиаду и Одиссею
Осоркон IV, 735–715		
<i>Двадцать третья династия, 838–720</i>		
Такелот II, 838–812	Гражданская война в Фивах	
Падибастет (I), 827–802		
Иупут I, 812–802		
Шошенк VI, 802–796		
Осоркон III, 796–768		
Такелот III, 773–754		
Рудамон, 754–735	Завоевание Фив кушитами	
Ини, 735–730		
Певтьяубаст, 730–720		
<i>Двадцать четвертая династия, 740–715</i>		
Тефнахт, 740–720		
Бакенренеф, 720–715		
<i>Двадцать пятая (кушитская) династия, 728–657</i>		
Пианхи, 747–716	Завоевание Египта кушитами, 728	
Шабака, 716–702		Столица Ассирии перенесена в Ниневию, 705
Шабитка, 702–690		
Тахарка, 690–664	Набеги ассирийцев	
Танутамон, 664–657		

ПОЗДНИЙ ПЕРИОД, 664–332		
<i>Двадцать шестая (саисская) династия, 664–525</i>		
Псамметих I, 664–610	Воссоединение с Фивами	Вавилон завоевал Ассирию, разгром Ниневии, 612
Нехо II, 610–595		Изгнание евреев в Вавилон; постройка первых пирамид майя
Псамметих II, 595–589		
Уахибра, 589–570	Вторжение Вавилона отбито	
Яхмос II, 570–526	Основан торговый центр греков в Наквратисе	Персы завоевали Вавилон (539); рождение Будды и Конфуция
Псамметих III, 526–525		
<i>Двадцать седьмая династия (первый персидский период), 525–404</i>		
Камбиз, 525–522	Персия завоевывает Египет.	
Дарий I, 522–486	Постройка канала до Красного моря, 509–507	В Афинах установлена демократия, 497; Основание Римской республики, 509
Ксеркс I, 486–465		Битва при Фермопилах, 480; смерть Будды и Конфуция
Артахсеркс I, 465–424		Построен Парфенон в Афинах, 432;
Дарий II, 424–404		Пелопоннесская война, 431 Смерть Еврипида и Софокла, 406
<i>Двадцать восьмая династия, 404–399</i>		
Аменирдис, 404–399	Распри между правителями Дельты	Казнь Сократа, 399

<i>Двадцать девятая династия, 399–380</i>		
Найфауруд I, 399–393		
Хагар, 393–392		
Пашермут, 392–391		
Хагар (восстановлен), 391–380		
Найфауруд II, 380		
<i>Тридцатая династия, 380–343</i>		
Нахтнебеф, 380–362	Египет нанимает спартанцев	
Джедер, 365–360		
Нахтхорхеб, 360–343		Смерть Платона, 347
<i>Тридцать первая династия (Второй персидский период), 343–332</i>		
Артахсеркс III, 343–338	Персия вновь завоевывает Египет	
Арсес, 338–336		
Дарий III, 336–332		
МАКЕДОНСКАЯ ДИНАСТИЯ, 332–309		
Александр III (Великий), 332–323	Александр посещает оракул в Сиве	
Филипп III Арридей, 323–317		
Александр IV, 317–309		
ПЕРИОД ПТОЛЕМЕЕВ, 309–30		
Птолемей I, 304–282	Основание Александрийской библиотеки	
Птолемей II, 285–246	Построен Фаросский маяк, 280	Начало Первой Пунической войны, 264
Птолемей III, 246–221		
Птолемей IV, 221–204	Восстание в Фивах, 205–186	Начало Второй Пунической войны, 218; Ганнибал переходит Альпы

Птолемей V, 204–180		
Птолемей VI, 180–145	Вмешательство Рима спасает Египет	Начало Третьей Пуни- ческой войны, 149; Рим разрушает Кар- фаген, 146
Птолемей VIII + Кле- опатра II, 170–116		
Птолемей IX, 116– 107 + Клеопатра III, 116–101		
Птолемей X, 107–88		
Птолемей IX (восста- новлен), 88–80		
Птолемей XI и Бере- ника III, 80		
Птолемей XII, 80–58	Освящение храма Го- ра, 70	
Клеопатра VI, 58–57 и Береника IV, 58–55		
Птолемей XII (вос- становлен), 55–51		
Клеопатра VII, 51–30	Клеопатра встречает- ся с Цезарем, 48	
+ Птолемей XIII, 51–47		
+ Птолемей XIV, 47–44		
+ Птолемей XV		Убийство Цезаря, 44
Цезарион, 44–30		Рим завоевывает Еги- пет

Хронологическая таблица

Все годы – до нашей эры. Пределы погрешности – около столетия до 3000 года до н. э. и около двух десятилетий до 1300 года до н. э.; начиная с 664 года до н. э. датировки точные.

Система подразделения на династии, придуманная в III веке до н. э., далека от совершенства – например, VII династию в наше время считают полностью вымышленной, а о нескольких династиях мы теперь знаем, что они правили одновременно в разных областях Египта. Однако эта система остается самым удобным способом периодизации истории Древнего Египта. Выделение более крупных эпох было предложено современными учеными и тоже является общепринятым.

Пролог

За два часа до заката 26 ноября 1922 года английский египтолог Говард Картер и трое его спутников вошли в коридор, вырубленный в каменистом грунте Долины Царей. Трех мужчин средних лет сопровождала молоденькая женщина, так что компания выглядела странно. Картер – опрятный, несколько чопорный человек лет под пятьдесят, с тщательно подстриженными усами и гладко зачесанными волосами. В археологических кругах у него была репутация личности упрямой и вспыльчивой, но его также и уважали, пусть и невольно, за серьезный, строго научный подход к раскопкам.

Он посвятил свою жизнь египтологии – но, не имея собственных средств, всегда зависел от спонсоров. Ему повезло найти как раз такого человека, который был готов финансировать раскопки на западном берегу Нила, в Луксоре. И сейчас его патрон стоял рядом с ним, переживая волнующий момент.

Джордж Херберт, пятый граф Карнарвон, был полной противоположностью Картеру. Общительный и легкомысленный, несмотря на возраст (56 лет), в молодости Карнарвон вел жизнь аристократа-дилетанта, увлекался автомобильными гонками. Но в 1901 году его здоровье было подорвано вследствие травмы, полученной при аварии; с тех пор он страдал от ревматических болей и, чтобы уберечься от холодных и сырых английских зим, стал проводить по несколько месяцев ежегодно в жарком, сухом климате Египта. С этого начался его любительский интерес к археологии. А в 1907 году он встретился с Картером и тем самым обеспечил себе место в истории.

В тот «величайший из дней», как впоследствии выражался Картер, к ним присоединились дочь Карнарвона, леди Эвелин Херберт, и старый друг Картера – Артур Каллендер, отставной железнодорожник, который прибыл на раскопки всего за три недели до того. В археологии Каллендер был новичком, но его технические знания (в том числе и по архитектуре) оченьгодились для команды. К тому же педантичность и надежность Артура нравились Картеру, а тот привык к постоянным сменам настроения Говарда.

Всего через три дня после начала сезона (которому предстояло стать последним – даже ресурсы Карнарвона не были бездонными) рабочие раскопали лестницу, ведущую вглубь земли. Когда ее полностью расчистили, обнаружилась сплошная стена, покрытая штукатуркой с оттисками печатей. Еще не прочитав надписей, Картер знал, что это означает: перед ними нетронутая гробница того периода древнеегипетской истории, который известен как Новое царство, – эры великих фараонов и прекрасных цариц. Неужели там, за стеной, их ждет чудо, к которому Картер стремился семь долгих лет, – последняя ненайденная до тех пор гробница в Долине Царей?

Желая, как всегда, соблюсти корректность, Картер велел рабочим снова засыпать лестницу на время, пока не придет из Англии спонсор экспедиции, лорд Карнарвон. Стоя, вероятно, на пороге важного открытия, было бы неэтично переступить этот порог в отсутствие патрона, к тому же и археолога. Поэтому 6 ноября Картер отправил Карнарвону телеграмму: «Наконец сделал чудесное открытие в Долине; великолепная гробница, печати целы; засыпал до вашего прибытия; поздравляю».

Дорога, паромом и поездом, заняла 17 дней; наконец граф и леди Эвелин прибыли в Луксор, где их встретил нетерпеливый и возбужденный Картер. Уже на следующее утро началась окончательная расчистка лестницы. Потом, 26 ноября, взломали защитную перегородку, и открылся коридор, забитый щебнем. Судя по наличию прорытого в нем хода, было ясно, что здесь уже кто-то побывал: по-видимому, грабители проникли сюда еще в древности. Но оттиски печатей на наружной стороне перегородки свидетельствовали, что гробницу заново запечатывали во времена Нового царства. Можно ли было по этому факту судить о состоянии

самого погребения? Всегда оставалась вероятность, что в конечном счете будет обнаружена чья-то частная гробница либо склеп, куда со всей Долины Царей снесли для лучшей сохранности погребальный инвентарь из более ранних, давно ограбленных гробниц...

Еще один день напряженного труда, среди зноя и пыли Долины, и коридор был очищен. Ожидание, казавшееся бесконечным, завершилось, путь открыт! Но вскоре Картер, Карнарвон, Каллендер и леди Эвелин натолкнулись на вторую стенку, также покрытую крупными оттисками печатей овальной формы. В верхнем левом углу более темный тон штукатурки указывал на то место, где древние грабители пробили свой лаз. Что же ожидает новых посетителей, появившихся здесь более чем 3500 лет спустя?

Не колеблясь ни минуты, Картер взял кирку и пробил отверстие в стене – маленькое, чтобы только посмотреть. Из осторожности он сперва поднес к отверстию зажженную свечу: а вдруг там, внутри, скопились удушающие газы? Затем, просунув туда свечу, прильнул лицом к стенке, он заглянул в темноту. Под напором горячего воздуха, хлынувшего изнутри, свеча замигала – и Картеру пришлось ждать еще несколько минут, пока его глаза привыкали к темноте. И лишь тогда он начал различать что-то в замкнутом помещении. Картер замер, потрясенный. Прервав невыносимо затянувшееся молчание, Карнарвон спросил: «Вы что-нибудь видите?» – «Да, да, – ответил Картер, – здесь чудеса!» На следующий день Картер, в самом приподнятом настроении, написал своему другу и коллеге-египтологу Алану Гардинеру: «Я думаю, что это величайшая из всех моих находок».

Картер и Карнарвон обнаружили нетронутую царскую гробницу золотого века Древнего Египта. Она была набита, по словам Картера, «достаточно, чтобы заполнить до отказа всю египетскую секцию Б [ританского] м [узея]». Только в первой камере (из четырех, где побывали Картер и его спутники) хранились невообразимо роскошные сокровища: три огромных позолоченных парадных кровати, каждая в виде сказочного существа; золотые ларцы с изображениями богов и богинь; расписные шкатулки и инкрустированные коробочки для драгоценностей; золоченные колесницы и прекрасные луки с колчанами стрел; великолепный золотой трон, инкрустированный серебром и драгоценными камнями; вазы из прекрасного прозрачного алебастра; и, наконец, стоящие на страже у правой стены две ростовые статуи умершего царя, с темной кожей и в золотом облачении. Царское имя, написанное на многих предметах, не оставляло сомнений насчет владельца гробницы: иероглифы читались четко – Тут-анх-Амон.

По любопытному совпадению, это событие произошло ровно через сто лет после того, как была дешифрована древнеегипетская письменность. Это был настоящий прорыв, с которого началось изучение цивилизации фараонов, оставившей после себя многочисленные надписи. В 1822 году французский ученый Жан-Франсуа Шампольон (1790–1832) опубликовал свое знаменитое «Письмо к г-ну Дасье» (*Lettre a M. Dacier*), в котором дал верную характеристику иероглифической системы письма и определил произношение многих важных знаков. Поворотный момент в истории египтологии настал после долгого периода исследований. Еще будучи мальчиком, Шампольон заинтересовался древнеегипетским письмом, когда услышал о Розеттском камне⁴. Царское воззвание, записанное на камне тремя шрифтами (греческим, демотическим и иероглифами)⁵, было обнаружено французскими войсками во время египет-

⁴ «Розеттский камень» – плита из гранодиорита с выбитыми на ней тремя идентичными по смыслу текстами, найдена в 1799 году на левом берегу основного западного рукава Нила, в 5 км от Средиземного моря, возле небольшого города Розетта (теперь Рашид) недалеко от Александрии. Камень был обнаружен капитаном Пьером-Франсуа Бушаром при сооружении фортификаций. Офицер понял важность находки и отправил камень в Каир, где за год до того по приказу Наполеона был открыт Институт Египта. В 1801 году французы потерпели в Африке поражение от англичан и были вынуждены передать им камень вместе с рядом других памятников. С 1802 года Розеттский камень хранится в Британском музее. Он весит примерно 760 кг, размеры лицевой плоскости 144,4 на 72,3 см. (Прим. перев.)

⁵ Демотическое письмо представляет собой сокращенную скоропись эпохи позднего Египта; сопоставление трех текстов послужило отправной точкой для расшифровки египетских иероглифов. Неясно, почему автор называет текст камня «царским воззванием»: этот текст представляет собой благодарственную надпись, которую в 196 году до н. э. египетские жрецы

ской экспедиции Наполеона, когда Шампольону было 8 лет, и стало одним из главных ключей для дешифровки. Рано проявившиеся способности Шампольона к языкам позволили ему овладеть древнегреческим и, что еще важнее, коптским – который, являясь прямым потомком древнеегипетского, уцелел в качестве литургического языка египетской православной церкви. Вооруженный этими знаниями и прорисовкой Розеттского камня Шампольон сумел правильно перевести иероглифическую часть текста и тем самым положил начало процессу раскрытия тайн истории Древнего Египта. Составленные им грамматика и словарь древнеегипетского языка, опубликованные посмертно (в 1841 году), впервые позволили ученым прочесть речи фараонов после двух с лишним тысяч лет перерыва.

В то время когда Шампольон работал над тайнами языка египтян, англичанин Джон Гарднер Вилкинсон⁶ внес не менее важный вклад в изучение их цивилизации. Родившийся за год до экспедиции Наполеона, Вилкинсон отправился в Египет в возрасте двадцати четырех лет и пробыл там еще двенадцать, посещая все известные руины, копируя бесчисленные рисунки и надписи в гробницах; его исследования монументов, созданных фараонами, отличались от всех предшествующих строго научным подходом. (В течение одного года, с 1828-го по 1829-й, и Вилкинсон, и Шампольон находились в Египте одновременно, путешествуя и делая записи, но встречались ли они – не установлено.) Возвратившись в Англию в 1833 году, Вилкинсон обработал собранные материалы и спустя четыре года опубликовал «Быт и обычаи древних египтян» (*Manners and Customs of the Ancient Egyptians*) в трех томах и «Современный Египет и Фивы» – в двух (1843). Эти произведения были и остаются до наших дней самым обширным сводом данных о древнеегипетской цивилизации.

Вилкинсон стал самым знаменитым и почитаемым египтологом своего века; его, наряду с Шампольоном, считают одним из основателей этой науки. А за год до смерти Вилкинсона родился Говард Картер, человек, которому было суждено поднять египтологию – а также и увлечение общества Древним Египтом – на новую высоту.

В отличие от обоих великих предшественников, Картер «попал» в египтологию почти случайно. Свою первую должность в Британской организации археологических исследований он получил в возрасте 17 лет не из-за глубокого интереса к Древнему Египту, а благодаря умению рисовать и писать акварелью. Но благодаря этому у Картера появилась возможность поучиться на практике у лучших археологов своего времени – в том числе у Флиндерса Питри, «отца египетской археологии», под руководством которого он участвовал в раскопках Амарны, столицы фараона-еретика Эхнатона, где, вероятно, родился Тутанхамон. Копируя изображения на стенах гробниц и храмов для различных экспедиций, Картер изучил древнеегипетское искусство. Личное знакомство со многими археологическими площадками он, несомненно, дополнял чтением трудов Вилкинсона. Наконец, в 1899 году Картера назначили генеральным инспектором Службы древностей Египта по отделу Верхнего Египта, а через 4 года – и Нижнего.

К сожалению, из-за вспыльчивости и упрямства Картера этой многообещающей карьере скоро настал конец: он не пожелал извиниться после одного инцидента с французскими туристами, и его тут же уволили (начальником Египетской службы древностей был тогда француз). Картеру пришлось вернуться к прежним занятиям, и следующие четыре года он зарабатывал себе на жизнь как странствующий акварелист, пока встреча с лордом Карнарвоном в 1907 году не позволила ему возобновить раскопки в Фивах⁷.

адресовали Птолемею V Епифану, очередному монарху из династии Птолемеев. (Прим. перев.)

⁶ Мы сохраняем этот старомодный вариант написания, чтобы избежать путаницы с автором данной книги. (Прим. перев.)

⁷ Директором Службы древностей Египта был в то время известный французский археолог Гастон Масперо (1846–1916). О том, только ли характер Картера был причиной его увольнения, и какую роль в этом сыграл директор, можно судить по вот такому описанию: «8 января 1905 года в их лагерь вломилась несколько пьяных французских туристов, которые сначала потребовали проводника для экскурсии в мастабу (гробницу), а потом затеяли драку... И, естественно, Картер приказал

После пятнадцати долгих, знойных и не слишком плодотворных лет Картер и его спонсор наконец-то сделали величайшее открытие в истории египтологии.

В тот ноябрьский день 1922 года, после заката, потрясенная компания отправилась ночевать в доме Картера, но спалось им всем плохо. Невозможно было сразу свыкнуться с тем, что случилось. Они совершили величайшее в мире открытие. Отныне всё пойдет по-другому. Но Картера все-таки донимала тревога: они обнаружили гробницу Тутанхамона, они видели цветы, оставленные там после похорон, но остался ли сам царь, непотревоженный в своем погребальном покое?

С рассветом закипела лихорадочная деятельность – Картер осознал, насколько трудная задача ему предстоит. Нужно собрать – и быстро! – группу специалистов, способных сфотографировать многочисленные предметы в гробнице, составить их опись и обеспечить сохранность. Картер связался с друзьями и коллегами, известил о впечатляющем открытии Службу древностей Египта. Было решено назначить официальное, публичное открытие гробницы на 29 ноября. Такое событие, как первая крупная археологическая находка «века печати», естественно, не могло не привлечь мировую прессу. Когда вся эта публика соберется, у Картера уже не будет возможности контролировать ситуацию. Если он хотел узнать тайну царского погребения без помех и вовремя, ему следовало действовать с опережением и за спиной чиновников из ведомства древностей.

И вот вечером 28 ноября, за считанные часы до прибытия репортеров, Картер и трое его товарищей, тайком ускользнув от собравшихся толп, снова вошли в гробницу. Чутье подсказывало Картеру, что темнокожие фигуры у правой стены передней камеры, должно быть, охраняют вход в погребальную камеру. То, что стена за ними оштукатурена, свидетельствовало о том же. Картер и здесь проделал небольшое отверстие в стене, на уровне пола, ровно такое, чтобы протиснуться, и, прихватив на этот раз электрический фонарик вместо свечи, проник внутрь. За ним последовали Карнарвон и леди Эвелин; Каллендер из-за своей дородной комплекции вынужден был остаться снаружи.

Они очутились перед огромным позолоченным ковчегом, который заполнял почти все помещение. Открыв его дверцы, увидели второй ковчег, вставленный в первый... потом и третий, и четвертый ковчег, внутри которого находился каменный саркофаг. Теперь Картер мог быть уверен: тело царя лежало там, внутри, никем не тронутое за тридцать три столетия. Выбравшись обратно в переднюю комнату, Картер торопливо и довольно неуклюже замаскировал следы своего вторжения корзиной и связкой тростника. Только через три месяца другим людям стало доступно то, что увидели тогда Картер, Карнарвон и леди Эвелин.

О публичном открытии гробницы Тутанхамона 30 ноября 1922 году кричали газетные заголовки по всему миру, возбуждая воображение читателей и поднимая волну всеобщего интереса к сокровищам фараонов. И это было только начало! В 1923 году, 16 февраля, была официально открыта погребальная камера. Через год удалось поднять весящую тонну с четвертью крышку огромного каменного саркофага – для этого Каллендеру пришлось применить свои технические знания. Внутри саркофага оказались новые преграды, защищающие тело фараона: в дополнение к четырем позолоченным ковчегам – три гроба, вложенных один в другой. Два наружных гроба были изготовлены из позолоченного дерева, но третий, внутренний, –

охранникам защитить археологов и сами раскопки. Этот незначительный инцидент перерос в настоящую драму. Взыбленные туристы потребовали от лорда Кромера, главного английского консула в Египте, чтобы Картер официально извинился перед ними, но «упрямый глупец», убежденный в своей правоте, наотрез отказался. Мало того, решил подать в суд, а как иначе? ... Масперо, хоть и неплохо относился к Картеру, вынужден был под давлением официальных лиц наказать строптивого археолога и назначил его в дельту Нила, в город Танта, представлявший очень небольшой археологический интерес. И уже в октябре того же, 1905, года Картер ушел... По старой памяти, в 1907 году Гастон Масперо порекомендовал его богатому... англичанину лорду Карнарвону...» См.: Татьяна Федотова, Александр Кузнецов, «Говард Картер. На службе у Тутанхамона» // Человек без границ. 2009, № 6. С. 28–33. (Прим. перев.)

из цельного золота. Во всех гробах лежали амулеты и ритуальные предметы, которые нужно было тщательно задокументировать и вынуть, прежде чем переходить к следующему слою.

Весь процесс, от поднятия крышки саркофага до открытия третьего гроба, занял более восемнадцати месяцев. Наконец, 28 октября 1925 года, почти три года спустя после открытия гробницы и два – после безвременной смерти Карнарвона (не от проклятия фараона, а от заражения крови), настал момент, когда должны были открыться мумифицированные останки юноши-царя. Крышку внутреннего гроба подняли при помощи сложной системы блоков, использовав сохранившиеся по его сторонам ручки. Царская мумия была залита бальзамическими смолами, почерневшими от времени. Поверх этой смолистой массы лежала великолепная погребальная маска из кованого золота. Она покрывала голову и лицо царя, ей было придано портретное сходство с чертами юного монарха. На головном уборе были изображены коршун и кобра – символы царственности, а вокруг шеи – широкий воротник, инкрустированный стеклом и полудрагоценными камнями. Картер и Тутанхамон наконец-то встретились.

Маска Тутанхамона является, пожалуй, самым прекрасным артефактом из всех найденных памятников древних цивилизаций. Она восхищает нас сегодня – как и тех, кто первыми взглянул на нее в современную эпоху, почти сто лет назад. В 1960–1970 годы именно она служила главной приманкой для миллионов людей, посетивших передвижную выставку Тутанхамона по всему миру, от Ванкувера до Токио. Хотя я был еще слишком мал, чтобы посетить выставку когда ее привезли в Лондон, мне попал в руки каталог, который и стал для меня введением в экзотический мир Древнего Египта. Я помню, как читал его дома в возрасте шести лет, сидя на площадке лестницы, удивляясь драгоценностям, золоту, странным именам царей и богов... Сокровища Тутанхамона заронили в мою душу семя, которое спустя много лет принесло свои плоды.

Но почва для этого семени была уже подготовлена. Еще на год раньше, перелистывая страницы своей первой детской энциклопедии, я долго рассматривал сравнительную таблицу различных письменностей. Греческий, арабский, индийский и китайский шрифты меня не впечатлили, а вот египетские иероглифы равнодушным не оставили. В книге было приведено лишь несколько знаков, но этого хватило, чтобы я научился записывать свое имя. Иероглифы и Тутанхамон направили меня на путь египтологии.

И в самом деле, письменность и царская власть – это два краеугольных камня египетского общества, основополагающие характеристики, по которым мы отличаем его от других цивилизаций древности. Несмотря на усердные старания археологов отыскать в мусорных кучах и мастерских следы повседневной жизни простых граждан, изобильные письменные материалы и монументальные здания, оставленные фараонами, по-прежнему определяют наш взгляд на Древний Египет и египетскую историю.

Перед лицом столь неколебимых свидетельств мы невольно склоняемся к тому, чтобы принимать их за чистую монету – и тексты, и архитектуру. И всё-таки блистательные сокровища фараонов не должны заслонять от нас гораздо более суровую истину. При всем великолепии монументов, красоте произведений искусства и высоких достижениях культуры жизнь в Древнем Египте имела и темную сторону.

Даже первые фараоны понимали, насколько сильным оружием для объединения народа и подчинения его государству является идеология. В те времена донести отвлеченную идею до людей можно было только посредством зрительных образов. На самом раннем этапе развития цари Египта сформулировали и ввели в употребление те приемы укрепления власти, которыми мы пользуемся и поныне: изысканные парадные наряды, мундиры и тщательно срежиссированные выходы на публику, подчеркивающие отличие властителя от народа; пышные зрелища по поводу важных государственных событий; патриотическое рвение, выражаемое устно и визуально. Но фараоны и их советники знали также, что удержаться наверху помогают и менее

красивые способы: политическое лицемерие, насаждение ксенофобии, слежка за населением и суровое наказание инакомыслящих.

Занимаясь изучением Древнего Египта более двадцати лет, я всё сильнее сомневался в предмете своих исследований. Ученые и энтузиасты равно склонны рассматривать царскую культуру сквозь призму благоговения. Мы восхищаемся пирамидами – не давая себе труда задуматься о том, какая политическая система сделала возможным их создание. Мы с невольным удовлетворением читаем о военных победах фараонов – Тутмос III в битве при Мегиддо, Рамзес II под Кадешем, – забывая, насколько жестокими были войны Древнего мира. Нас увлекают странности царя-еретика Эхнатона и всех его творений – но не интересует, каково жилось при фанатичном правителе-деспоте (хотя телевизор постоянно указывает нам на современные параллели – например, на Северную Корею).

Между тем, недостатка свидетельств о темной стороне фараоновской цивилизации нет. От человеческих жертвоприношений I династии до крестьянского бунта при Птолемеях Древний Египет был обществом, где отношения между царем и подданными строились на принуждении и страхе, а не на любви и почитании; где царская власть была абсолютной, а жизнь ценилась дешево.

Цель этой книги – дать более полную и взвешенную картину древнеегипетской цивилизации, чем та, которую мы часто видим на страницах научных или популярных сочинений. Я решил показать взлеты и падения, успехи и неудачи, отвагу и жестокость – всё то, из чего состояла жизнь при фараонах.

История Нильской долины вскрывает систему отношений между правителями и народом – систему, которая оказалась чрезвычайно устойчивой. Древние египтяне еще пять тысяч лет назад создали концепцию национального государства, до сих пор преобладающую на нашей планете. Это изобретение египтян поразительно не только своим быстрым возникновением, но и долговечностью: государство фараонов просуществовало в своем изначальном виде три тысячи лет. Для сравнения напомним, что Рима хватило всего на тысячу, а западная культура пока насчитывает только две.

Главной причиной столь удивительной прочности является то, что философский и политический фундамент, заложенный еще при рождении Древнего Египта, был так хорошо подогнан к национальному менталитету, что сделался архетипом на сто поколений вперед. Хотя и случались длительные периоды политической раздробленности, децентрализации и смут, единовластие царя оставалось живым идеалом. Политические убеждения, сопряженные с национальным мифом, могут глубоко внедриться в сознание людей.

Крайне трудно найти точки соприкосновения с культурой, настолько отдаленной от нашей во времени и пространстве. Древний Египет был слабо заселенной страной с родоплеменным обществом. Религия – многобожие, отсутствие денежного оборота в экономике, низкий уровень грамотности, обожествление царственности в качестве основы идеологии... По всем этим основным характеристикам он абсолютно чужд современным исследователям, в том числе и мне самому. Поэтому, помимо ознакомления с исследованиями, накопившимися за два столетия, изучение Древнего Египта требует еще и немалой доли воображения.

И всё-таки наш нынешний опыт также может пригодиться. Изучая истории правителей Древнего Египта, мы различаем те же мотивы, что и сейчас движут честолюбивыми мужчинами и женщинами, – только впервые попавшие на страницы истории. Кроме того, изучение древнеегипетской цивилизации вскрывает те способы, при помощи которых организовывали, запугивали, подавляли и покоряли многие народы – используемые вплоть до наших дней. И, оглядываясь назад, мы можем ясно различить в самоуверенности культуры фараонов зародыш ее краха.

Взлет и падение Древнего Египта служат уроком для всех нас.

Часть I

Божественное право (5000–2175 годы до н. э.)

Пирамиды в Гизе – главный символ Древнего Египта. В историческом контексте они являются вехой первого значительного расцвета его цивилизации, Древнего царства. Однако и пирамиды, и развитая культура, которую они представляют, не возникли готовыми в один момент, из ничего. Ей предшествовал длительный период созревания. Истоки и ранние фазы развития цивилизации в Египте прослеживаются, по меньшей мере, еще до двух тысяч лет раньше пирамид, вглубь отдаленного доисторического прошлого страны.

На протяжении многих столетий обитатели плодородной долины Нила и засушливых степей к востоку и западу от нее формировали основы египетской культуры, оригинальный характер которой обусловили уникальные условия окружающей среды. По мере того как соперничающие территории спланировались посредством торговли и завоеваний, социальное развитие ускорялось; и ко времени появления I династии царей Египта все основные компоненты первого в мире национального государства уже имелись в наличии.

За следующие восемь веков возникла великая цивилизация, и наиболее полным ее выражением стали монументы на плато в Гизе. Но, как слишком хорошо знали египтяне, порядок и хаос всегда идут рука об руку. Широко размахнувшееся государство увяло так же быстро, как и расцвело, под напором извне и изнутри. Древнее царство постиг бесславный конец.

В первой части мы дадим краткий обзор этого первого подъема и падения Древнего Египта, от его необычайного рождения до культурного зенита в век пирамид и последующего упадка – таков был первый из многих циклов в долгой истории фараонов. Пожалуй, наиболее яркой чертой этого периода можно назвать идеологию божественной царственности. Внедрение веры в то, что власть монарха божественна, было самым значительным достижением ранних правителей Египта. Эта вера так глубоко укоренилась в сознании египтян, что на протяжении трех тысяч лет оставалась идейной опорой единственной приемлемой модели управления. Хотя бы ради такой долговечности эта модель заслуживает звания величайшей политической и религиозной системы в мире. Она находила свое выражение в искусстве, литературе, ритуалах – и прежде всего в архитектуре. Именно эта идея и вдохновляла на создание гигантских царских гробниц и оправдывала все усилия, затраченные на них.

Служившие царю сановники, чьи административные таланты позволили возвести пирамиды, также оставили после себя монументы – богато декорированные склепы, свидетельствующие об изысканности вкусов и обширных ресурсах двора. Но у медали царской власти была и обратная сторона: присвоение земель, подневольный труд, пренебрежение человеческой жизнью – эти черты так же характерны для века пирамид, как и грандиозная архитектура. Беспощадная эксплуатация природных и человеческих ресурсов Египта требовалась для осуществления безграничных амбиций государства, и это положение сохранялось в последующие века правления фараонов. Поскольку цари правили по божественному праву, их мало интересовали права их подданных. Эта тема станет неизменной особенностью истории Древнего Египта.

Глава 1. Начало начал

Первый царь Египта

В холле Египетского музея в Каире можно увидеть под высоким стеклянным колпаком древнюю пластину из мелкозернистого, зеленовато-черного камня немногим более двух футов в высоту и всего лишь с дюйм толщиной⁸. Камень имеет форму щита, с обеих сторон его покрывают рельефные изображения. Хотя фигуры не утратили четкости очертаний, их трудно различить в рассеянном, мутном свете, который проникает сквозь покрытый пылью купол холла. Большинство посетителей едва достаивают этот странный предмет беглого взгляда, направляясь сразу к золоту Тутанхамона на втором этаже. А между тем эта скромная пластинка – один из важнейших документов, дошедших до нас от древнейших времен Египта. Почетное место, отведенное ей у входа в Египетский музей, величайшее в мире хранилище сокровищ культуры фараонов, подчеркивает ее значимость. Ведь она знаменует собой самое начало древней истории Египта.

Палетка Нармера⁹, как ее именуют египтологи, стала символом раннего Египта, но обстоятельства ее обнаружения остаются неясными. Зимой 1897/98 годов британские археологи Джеймс Кьюбелл и Фредерик Грин производили раскопки на месте древнего Нехена (теперь Ком эль-Ахмар), «города сокола» (по-гречески Гераконполис), на дальнем юге Египта. Жажда кладоискательства не прошла даже в конце XIX века, поэтому Кьюбелл и Грин, хотя и применяли более научные методы, чем многие из их современников, не могли противостоять нажиму своих спонсоров, желавших заполучить нечто ценное (в их понимании). Соответственно, избрав для работы Нехен¹⁰ – местность, за долгие столетия основательно разрушенную эрозией, где не осталось ни одного целого памятника, – они решили сосредоточить свои усилия на руинах храма. Он был невелик и неказист по сравнению со знаменитыми святилищами Фив, но его нельзя было назвать и провинциальным убожеством. С самого начала истории страны он был посвящен египетской царственности. Гор (Хор), бог с головой сокола, был покровителем египетской монархии. Разве это не логично: искать царские клады в таком храме?

Увы, поначалу результаты их разочаровали: они нашли остатки стен из сырцового кирпича, какого-то кургана, облицованного камнем; несколько выветренных и разбитых статуй... Ничего особенного. Тогда перешли на участок возле кургана – но там археологи натолкнулись на толстый слой глины, не поддававшийся систематическим раскопкам. Казалось, город сокола не желал раскрывать свои секреты. Но потом, когда Кьюбелл и Грин все-таки пробились сквозь

⁸ То есть 63,5 на 2,5 см. (Прим. перев.)

⁹ Палетка – разновидность палитры, т. е. дощечки для смешивания красок при живописи. В археологии Древнего Египта палетками именуются пластины (зачастую украшенные резными изображениями), изготовленные из твердых, но хорошо режущихся пород камня (как правило, алевролита или асбеста) и использовавшиеся для растирания косметических составов, в том числе и ритуальных. С конца четвертого тысячелетия до н. э. египетские палетки постепенно утратили косметическую функцию и превратились в декоративные и ритуальные предметы; круглое углубление для красок в центре превратилось в изображение круга или исчезло вовсе. В более ранней исторической литературе часто употреблялось слово «палетка», которое кажется нам более удачным для обозначения предмета диаметром более полуметра. Ведь «палетка» означает нечто маленькое, а вдобавок в русском языке у этого слова есть вполне конкретное устоявшееся значение (целлулоидная офицерская линейка). Но мы вынуждены использовать то написание, которое более принято в современной литературе. (Прим. ред.)

¹⁰ Нехен – религиозный и политический центр Верхнего Египта конца додинастической эпохи и времени первых династий. Первое поселение здесь датируется около 4400–3000 годами до н. э. Столица III верхнеегипетского нома, культовый центр бога-сокола Гора Нехенского, которому здесь был выстроен один из древнейших храмов. Храм оставался важным культовым местом и после того, как город потерял значение центра государства. Во время своего расцвета, около 3400 года до н. э., город насчитывал от 5 до 10 тысяч жителей. (Прим. перев.)

толщу глины, они наткнулись на россыпь ритуального инвентаря, пестрый набор священных предметов, которые некогда, в далеком прошлом, были собраны и закопаны здесь храмовыми жрецами. Ценных вещей, то есть золота, там не было, но «главный склад», как ученые-оптимисты окрестили находку, действительно содержал кое-что интересное и необычное. И прежде всего – каменная пластина, покрытая резными изображениями.

О назначении этого предмета задумываться не пришлось: круглое плоское углубление посередине одной стороны намекало, что это – палетка, пластина для растирания красок. Но в таком виде она явно не годилась для ежедневного приготовления косметики. Судя по сценам на обеих ее сторонах, вырезанным искусно и подробно, она служила чем-то вроде памятного знака в честь успехов прославленного царя. Две богини-коровы благосклонно взирают сверху на монарха, который стоит в извечной позе египетского правителя – замахнувшись булавой на врага; эта фигура занимает одну из сторон палетки.

Археологи задались вопросом, кто он и когда правил. В маленьком прямоугольнике, на самом верху палетки, они заметили два иероглифа, которые подсказали им ответ: сом (*nar*) и резец (*mer*). Сложив их звуковые значения, можно получить имя – Нармер. Этот царь не был до того известен науке. К тому же и стиль рельефов на палетке Нармера указывал на очень раннюю дату. Впоследствии выяснилось, что Нармер был не просто «ранним» царем, а первым правителем объединенного Египта. Он взошел на трон около 2950 года как первый царь I династии. Так, роаясь в глине Нехена, Кьюбелл и Грин наткнулись на документ об основании древнеегипетского государства.

Хотя Нармер был первым царем, вошедшим в историю, история Египта началась не с него. На знаменитой палетке иконография египетских царей представлена уже в своей устоявшейся, классической форме. Однако часть мотивов – фантастические животные со змеевидными переплетенными шеями, бык, бодающий рогами вражескую крепость, – уведут нас в отдаленное, доисторическое прошлое. Большая памятная палетка Нармера наглядно показала, что фундамент египетской цивилизации был заложен задолго до него.

Пустыня в цвету

Палетка Нармера демонстрирует, в малом масштабе и на раннем этапе, то мастерство обработки камня, в котором египтяне не имели себе равных ни в древности, ни в современном мире. Изобилие разнообразных материалов на территории Египта в сочетании с техническими достижениями обеспечили египтянам отличное средство для утверждения их культурной идентичности. Преимуществом камня является также его прочность, и египетские монументы сознательно создавались на века¹¹.

Истоки этой тяги к монументальности можно найти в Западной пустыне, поблизости от современной границы между Египтом и Суданом. Эта отдаленная местность в Нубийской пустыне (около 100 км к западу от Абу-Симбела и 800 км к югу от Каира) известна археологам как Набта-Плайя. В наши дни магистральная дорога, служащая для перевозки строительных материалов в рамках проекта «Новая долина», прорезает пустыню примерно в двух милях от нее¹².

¹¹ Рискнем оспорить это утверждение автора: достаточно вспомнить каменные кружева французской готики или белокаменные узоры древнерусских церквей, не говоря уж о храмах Индии – все эти шедевры также создавались на века. (*Прим. перев.*)

¹² Набта-Плайя – название пересохшего бессточного бассейна в Нубийской пустыне на юге современного Египта. Знаменит мегалитическим комплексом, созданным около 4900 года до н. э. для астрономических наблюдений. Проект «Новая долина» осуществляется правительством Египта, начиная с 1997 года. Цель проекта – обводнение Западной пустыни (которая является частью Сахары). Запланирована прокладка канала длиной 310 км. Когда территория станет пригодна для жизни, это позволит решить проблему быстрорастущего населения Египта. (*Прим. перев.*)

Но еще совсем недавно Набта-Плайя была предельно далека от всякой цивилизации. ее единственной достопримечательностью была стоянка с колодцем на грунтовой дороге, соединяющей оазис Бир-Кисейба с берегами Асуанского водохранилища. Ровное дно древнего высохшего озера (по-арабски «плайя») и близость к гряде песчаных дюн делают Набту подходящим местом для ночлега. Однако там есть и кое-что еще – гораздо большее, чем может показаться на первый взгляд. По равнине разбросаны большие камни: не обычные валуны, а мегалиты, которые некогда откуда-то притащили сюда и расставили в ключевых точках по краю бывшего озера. Одни стоят в гордом одиночестве, будто часовые, выделяясь на горизонте; другие установлены рядами. Самое удивительное – это круг из камней, расположенный на небольшом возвышении: они стоят попарно, лицевой стороной друг к другу. Две пары ориентированы по оси север-юг, две другие указывают на восход солнца в день солнцестояния.

Никто ничего не знал про Набта-Плайю – и вдруг, совершенно неожиданно, она явилась из тьмы веков как «древнеегипетский Стоунхендж», священный пейзаж, украшенный каменными узорами. Расположение их было явно не случайным. Научная датировка этих странных монументов по слоям почвы выявила чрезвычайно раннюю дату их создания: начало пятого тысячелетия до н. э. В то время, как и в более ранние периоды, Сахара отнюдь не была столь безводной, как в наши дни. Из года в год летом здесь шли дожди, озеро наполнялось, и пустыня зеленела. Земля вокруг озера была пригодна и для возделывания, и для выпаса стад.

Люди, приходившие в Набта-Плайю, чтобы воспользоваться этим сезонным изобилием, были полукочевыми скотоводами, они скитались со своими стадами по просторам восточной Сахары. И здесь были найдены во множестве кости крупного рогатого скота, а также следы человеческой деятельности, разбросанные по всей равнине: осколки страусиных яиц (служивших для хранения воды; из мелких осколков делали украшения), кремневые наконечники стрел, каменные топоры и зернотерки для обработки зерен злаков, которые выращивали на берегах озера.

Сезонное плодородие придавало Набте особое символическое значение в сознании кочевников: это место, фиксированное в пространстве, посещаемое из поколения в поколение, постепенно превратилось в ритуальный центр. Установка камней в определенном порядке, несомненно, требовала серьезных совместных усилий. Так же, как британский Стоунхендж, монументы Набты свидетельствуют о высокой степени общественной организации здешних доисторических племен.

Конечно же, пастушеский образ жизни требовал, чтобы кто-то взял на себя руководство племенем. От вождя требовалась мудрость, умение принимать решения на основе досконального знания окружающей среды, чередования сезонов и острого чувства времени. Скот нужно поить ежедневно – а значит, следует рассчитывать дневные переходы так, чтобы к вечеру выйти к какому-нибудь водоему. Поэтому определение сроков прихода на равнину Набты и ухода оттуда могло быть вопросом жизни и смерти для всего племени.

Назначение стоячих камней и «календарного круга», вероятно, заключалось в предсказании сезона дождей. Этот период, критически важный для кочевников, наступал вскоре после летнего солнцестояния. Когда начинались дожди, люди устраивали праздник, приносили в благодарственную жертву часть своих стад и хоронили животных в могилах, которые накрывали большими плоскими камнями. Под одной из таких плит археологи нашли не кости, а большой блок песчаника, старательно обработанный и напоминающий по форме корову. Датируется это изделие, как и календарный круг, началом пятого тысячелетия до н. э.; оно является самой ранней из известных монументальных скульптур в Египте. Так выглядела отправная точка, с которой началось развитие камнерезного искусства, служившего впоследствии фараонам, – в Западной пустыне, у доисторических кочевников-скотоводов, более чем за тысячу лет до прихода к власти I династии. Археологам пришлось пересмотреть свои теории о происхождении Египта.

На другом конце Египта, в Восточной пустыне, также были сделаны замечательные открытия, которые подтвердили, что колыбелью древнеегипетской цивилизации были засушливые земли, обрамляющие долину Нила. Тысячи наскальных рисунков, выбитых на обрывах песчаника, можно видеть в сухих долинах (так называемых *вади*), пересекающих холмистую область между Нилом и холмами у Красного моря. В некоторых местах, обычно рядом с естественными укрытиями – скальными навесами или пещерами – концентрация таких рисунков особенно велика. Одно из них, поблизости от пересохшего пруда в Вади-Умм-Салам, даже сравнивали с Сикстинской капеллой. Эти изображения представляют собой самый ранний образец сакрального искусства Египта, предшествующий классическому стилю религиозных росписей на добрую тысячу лет. Как и увлекающиеся скульптурой жители Набта-Плайи, доисторические художники Восточной пустыни, видимо, были скотоводами: изображения принадлежавшего им скота – а также диких животных, на которых они охотились в саванне, – преобладают в их композициях. Но для выражения своих верований они не ставили мегалиты, а использовали гладкие поверхности скал, предоставленные им самой природой, превращая их в сакральные полотна. Боги, плывущие в священных ладьях, ритуальные охоты на диких животных, – ключевые сюжеты иконографии фараонов, – широко представлены в наскальном искусстве Восточной пустыни. То, что в наши дни эта область труднодоступна и непригодна для обитания, указывает на ту решающую роль, которую она сыграла в становлении Древнего Египта.

Набирая скорость

Идущие полным ходом изыскания и раскопки в Западной и Восточной пустынях постепенно выявляют тесные взаимосвязи между племенами пустынь и долины Нила в доисторические времена. Неожиданно выяснилось, что полукошечные племена скотоводов, бродившие тогда по просторам саванны, были, по-видимому, гораздо более развиты, чем их современники из долины. Но их судьба может послужить для нас уроком: климатические изменения положили конец их привольной жизни. Где-то около 5000 года климат Северо-Восточной Африки начал заметно изменяться. Если раньше, в течение тысяч лет, начало летних дождей, то есть сезонного выпаса стад, можно было предсказать, теперь прогнозы становились всё более ненадежными. Всего за несколько столетий пояс дождей сдвинулся намного южнее. (В наши дни дожди здесь если вообще идут, то лишь над нагорьями Эфиопии.) Саванны к западу и к востоку от Нила начали высыхать и превращаться в пустыню. Сменилось еще немного поколений, и иссохшая земля больше не могла прокормить стада. Единственным способом избежать смерти от голода для пастухов была миграция. А единственным постоянным источником воды в регионе оставался Нил, долина Нила.

Здесь, на краю заливной равнины, и возникли в начале пятого тысячелетия до н. э. самые ранние поселения – современные, в широком смысле этого понятия, деятельности строителей мегалитов в Набта-Плайе. И те и другие занимались сельским хозяйством – но если в засушливых областях земледелие было возможно лишь в отдельный сезон, наличие Нила делало возможным выращивание различных культур круглогодично. А потому у жителей Долины появилось и желание, и возможность остаться в своих селениях на постоянное жительство. Материальные памятники этого периода, дошедшие до нас, египтологи называют Бадарийской культурой – по названию деревни эль-Бадари, где их впервые нашли¹³. Местность на стыке двух экосистем идеально подходила для их образа жизни – бывшие кочевники могли пользоваться

¹³ Бадарийская культура – археологическая культура развитого неолита в Южном Египте, датируется 4500–3250 годами до н. э. Была открыта в самом начале XX века. Обнаружено около 40 поселений и 600 могил, а в них – мумии высокой степени сохранности. Жилища строились из обмазанных глиной прутьев и циновки. Засвидетельствовано классовое расслоение (более богатых хоронили в отдельной части кладбища). Мумии были переданы Британскому музею в 1900 году. (Прим. перев.)

и заливной равниной, и саванной, – а к тому же обеспечивала связь с другими областями. Пустынные тропы вели на запад, к оазисам; а на восток, к побережью Красного моря, можно было проехать по большому вади. Благодаря этим контактам на бадарийцев оказали сильное влияние ранние культуры пустынь.

Одно из таких влияний – склонность к украшению собственной особы – сохранилось у древних египтян до конца их истории. Второе влияние сказалось в постепенном расслоении общества на вождей и подчиненных, на малочисленный класс правителей – и массу управляемых; этот процесс был обусловлен полным опасностей образом жизни скотоводов-кочевников. Под воздействием внешних стимулов и внутренней динамики общество бадарийцев начало изменяться. Шаг за шагом, век за веком перемены укоренились и стали ускоряться. Богатые богатели и брали на себя роль покровителей выделившейся из общей массы прослойки ремесленников. Те, в свою очередь, изобретали новые технологии и новые изделия, чтобы угодить своим защитникам. Имущественное неравенство, то есть отмена общего доступа к важнейшим предметам и ресурсам, еще более укрепляло позиции самых богатых членов общества.

Процесс социальной трансформации, раз начавшись, не мог остановиться. Экономические, политические и культурные аспекты доисторического общества всё более усложнялись. Египет встал на путь, ведущий к государственности. Окончательное высыхание пустынь, случившееся около 3600 года до н. э., должно было придать этому процессу дополнительное ускорение. Быстрый рост населения мог привести к ожесточенной борьбе за скудные ресурсы – то есть возникла необходимость в укрепленных городах. Больше голодных ртов – значит, нужно увеличивать продуктивность земледелия. Рост городов и развитие сельского хозяйства стали и ответом на произошедшие перемены, и стимулом для новых перемен.

В этих условиях поселения в Верхнем Египте начали сливаться в три региональные группировки, которыми, возможно, правили наследственные вожди. Объяснение столь раннему доминированию этих трех доисторических царств могут дать стратегические факторы. Центром одного из них был город Тинис (поблизости от современной Гирги), расположенный там, где долина Нила сужалась, что позволяло держать под контролем судоходство, и где сходились торговые пути из Нубии и оазисов Сахары. Вторая территория, со столицей в городе Нубт (что значит «Золотой», ныне Нагада), контролировала доступ к золотым рудникам Восточной пустыни через Вади-Хаммамат на другом берегу реки. Третье царство выросло вокруг селения Нехен, которое, как и Тинис¹⁴, являлось отправным пунктом дороги через пустыню к оазисам (а оттуда – в Судан) и, как и Нубт, контролировало доступ к месторождениям золота в Восточной пустыне – наиболее отдаленным, лежащим далеко на юге, – через вади, начинавшееся прямо напротив города.

Правители этих трех территорий делали всё, что положено амбициозным правителям: они старались продемонстрировать и укрепить свою власть политическими, идеологическими и экономическими способами. Их неутолимая жажда накопления ценных и редких вещей, будь то золото и драгоценные камни из пустынь Египта либо экзотический импорт из дальних стран (например, оливковое масло с Ближнего Востока или лазурит из Афганистана), стимулировала торговлю, как внутреннюю, так и внешнюю. Право изымать подобные ценности из обращения было особенно наглядным проявлением богатства и привилегий, поэтому ритуалы погребения знати становились все сложнее, а погребальный инвентарь – все богаче, хотя в основе их лежала древнейшая и простая традиция, восходящая к бадарийским временам. Появление на

¹⁴ Тинис располагался в Верхнем Египте, на западном берегу Нила – вероятно, в окрестностях Гирги, – но точная его локализация не установлена. На сегодняшний день обнаружен только некрополь Тиниса на противоположном (восточном) берегу. Сама форма названия – «Тинис» – греческая. Древние египтяне, вероятно, называли его Чени, что означает «возвышенность». Существовал он с конца четвертого и до начала первого тысячелетия до нашей эры. В период образования древнеегипетского государства представители правящих династий Тиниса могли быть объединителями страны и ее первыми верховными правителями. (Прим. перев.)

всех трех территориях отдельных кладбищ для местного правящего класса является верным признаком наличия в обществе устойчивой иерархии.

Итак, три царства могли претендовать на господство в регионе. Столкновение их стало неизбежным, и вскоре оно произошло. Как точно развивались события, мы не знаем, ибо в ту эпоху письменность еще не изобрели. Однако, сопоставив размеры и отделку гробниц в каждой из трех областей, мы можем сделать некоторые выводы о том, кто одержал верх в этом состязании. Захоронения в Нехене и Абджу (греческий Абидос, некрополь, некогда принадлежавший городу Тинис) были несомненно, совершеннее, чем в Нубте. То, что впоследствии Нармер и его преемники оказывали особое внимание Нехену и Абджу, а Нубтом интересовались мало, подтверждает эту догадку.

Недавнее загадочное открытие – снова в Западной пустыне – возможно, помогает определить тот момент, когда Тинис затмил своего южного соседа. Пустыню между Абджу и Нубтом пересекают дороги, многими из которых люди пользовались тысячи лет. Обычно самый быстрый и прямой путь обеспечивает река – но здесь Нил описывает большую излучину, и удобнее ехать напрямую по суше. На обрыве, прямо над большим трактом, соединяющим Абджу и Нубт, обнаружено вырубленное в камне изображение, по-видимому, отмечающее победу доисторического правителя Тиниса над каким-то из его противников. Если это истолкование верно, тогда мы можем утверждать, что, завоевав контроль над трактами через пустыню, Тинис получил решающее стратегическое преимущество: обошел соседа и отрезал ему доступ к торговле с южными областями.

Не может быть случайным совпадением то, что в тот же самый период один из правителей Тиниса выстроил на аристократическом кладбище в Абджу гробницу, превосходящую всё, что было построено в Египте того времени. Она имела форму миниатюрного дворца, да и ее содержимое, включая скипетр из слоновой кости и запас отборного привозного вина, наводит на мысль, что это – настоящее царское погребение. Более того, его владелец был, очевидно, таким правителем, который оказывал влияние на экономические связи далеко за пределами долины Нила. Среди примечательных находок в гробнице были сотни маленьких костяных ярлыков с несколькими иероглифическими знаками на каждом из них. Прежде эти ярлыки были привязаны веревочками к ящикам или кувшинам, в которых хранились припасы, предназначенные для загробной жизни покойного. Надписи содержали указания относительно количества, качества, места изготовления содержимого, а также имя владельца. Склонность древних египтян к строгому учету, по-видимому, сложилась уже на самом раннем этапе развития письменности!

Эти ярлыки не только являются самыми ранними из ныне найденных образцов египетского письма – они также сообщают, откуда привезли те или иные товары; в частности, упоминаются святилище Джебаут (ныне Телль-эль-Фарайн) и город Баст (ныне Телль-Баста) в дельте Нила, в сотнях миль к северу от Абджу. Правитель Тиниса, построивший столь впечатляющую гробницу, явно был близок к тому, чтобы стать царем всего Египта¹⁵.

Теперь один монарх, сидящий в Тинисе, контролировал Дельту, а другой, в Нехене, держал руку на торговле в регионе Сахары; больше игроков на этом поле не осталось. К сожалению, данных о последней фазе этой борьбы практически нет, но преобладание воинских мотивов на декорированных церемониальных предметах этого периода, а также сооружение вокруг обоих городов, Нубта и Нехена, массивных стен заставляет предположить, что имел место военный конфликт. Еще одним подтверждением служит наличие многочисленных травм черепов, следы которых археологи обнаружили при раскопках захоронений жителей Нехена в позднее додинастическое время.

¹⁵ Телль-эль-Фарайн («Курган фараонов») – деревня в центральной части дельты Нила. Там найдены остатки Буто, одного из древнейших городов Египта. Зафиксировано его непрерывное существование в течение 500 с лишним лет еще в додинастический период. Самое раннее поселение в Буто было вскрыто на глубине 7 м от современного уровня земли. (Прим. перев.)

Итог столкновения, однако, нам известен. Когда пыль улеглась, стало ясно, что победа досталась царям Тиниса. Контроль над двумя третями страны, в сочетании с доступом к морским портам и к выгодной торговле с Ближним Востоком (современные Сирия, Ливан, Израиль и Палестина), оказался решающим фактором. Около 2950 года, после почти двух столетий конкуренции и конфликтов, правитель Тиниса принял титул царя объединенного Египта. Мы знаем его под именем Нармер. Чтобы символически увековечить свое завоевание Дельты – возможно, последнюю битву в этой войне, – он и заказал великолепную церемониальную палетку, украшенную сценами триумфа. Почему она была преподнесена храму в Нехене? То ли в качестве великодушного жеста в сторону прежних противников, то ли с целью посыпать им соль на раны... Так или иначе, там она и пролежала, пока не была добыта из глины 4850 лет спустя.

Дар Нила

Археологи и кабинетные ученые затратили много усилий, чтобы вновь открыть Нармера и доказать, что он был первым царем Древнего Египта. Но гордиться этим не стоит: они всего лишь подтвердили рассказ греческого историка Геродота, писавшего то же самое двадцать четыре столетия назад. «Отец истории» не сомневался, что «Менес» (другое имя Нармера) был основателем египетского государства. Это полезный урок – нам следует помнить, что древние были зачастую гораздо умнее, чем мы думаем. Геродот также сделал фундаментальное наблюдение о стране и ее цивилизации, которое остается истинным до сих пор: «Египет – это дар Нила». Протекая через Сахару, Нил позволяет жизни возникнуть там, где иначе она была бы невозможна. Долина Нила представляет собой «линейный оазис» – узкую зеленую полосу, зажатую с обеих сторон обширными пустынями, безводными и мертвыми. Развитие Древнего Египта можно проследить не только по захоронениям, наскальным рисункам и мегалитам, но также по характеру и особенностям реки.

Природа долины Нила всегда оказывала глубокое воздействие на ее обитателей. Река формирует не только физический пейзаж, но и представления египтян о самих себе и о своем месте в мире. Пейзаж повлиял на их быт и обычаи, с древнейших времен он запечатлелся в менталитете народа, обусловил выработку, из поколения в поколение, основополагающих философских принципов и религиозных верований. Символическая мощь Нила – это нить, проходящая сквозь всю цивилизацию фараонов, начиная от мифа о происхождении египтян.

Согласно древнейшему рассказу о том, как был создан мир, вначале не было ничего, кроме водного хаоса, воплощением которого считался бог Нун: «Великий бог, творящий самого себя – он есть вода, он – Нун, отец богов»¹⁶¹⁷. В более поздней версии первичные воды описываются как нечто враждебное и устрашающее, беспредельное и бесформенное, воплощение потаенности и тьмы. Однако, будучи сами безжизненными, воды Нуна хранили потенциал жизни. Хаотичные, они обладали способностью создавать порядок. Эта вера в сосуществование противоположностей характерна для мышления древних египтян, и в основе ее лежит географическая действительность: контраст между сухой пустыней и плодородной долиной, и сама река, поскольку Нил способен и поддержать жизнь, и уничтожить ее. Этот парадокс заложен в его сезонном режиме.

До сооружения Асуанской плотины в начале XX века, а также Верхней плотины в 1960-е Нил ежегодно являл чудо¹⁸. Летние дожди на Эфиопском нагорье приводили к тому, что резко

¹⁶ Примечание переводчика: в приводимой ниже библиографии мы сохранили названия источников без перевода, за исключением классических сочинений, существующих в русских переводах.

¹⁷ «Книга мертвых», глава 17, раздел 2.

¹⁸ К 1950-м годам на Ниле было построено несколько плотин. Наиболее высокая из них, ныне известная как Нижняя Асуанская, расположенная в районе первого Нильского порога, высотой 53 м и с емкостью водохранилища 5 млрд м куб.,

поднимался уровень воды в Голубом Ниле – одном из двух главных притоков, которые, сливаясь, образуют египетскую часть Нила. Излишек в виде мощного потока устремлялся вниз по течению. К началу августа на дальнем юге Египта уже становились заметны признаки разлива: рокот водяного вала и подъем уровня реки. Еще через несколько дней начиналось настоящее наводнение. С неукротимой силой Нил выходил из своих берегов, и его воды затопляли равнину. Объем воды был столь велик, что разлив захватывал целиком всю долину Нила.

Затем вся пахотная земля оказывалась под водой на несколько недель. Но помимо разрушительного буйства разлив приносил и надежду на новую жизнь: воду и плодородный ил, который оседал на полях. Когда разлив спадал, почва, увлажненная и удобренная, была готова к посеву. Именно этому ежегодному явлению Египет был обязан высокой продуктивностью своего земледелия – в тех случаях, когда Нил разливался достаточно, но не слишком сильно. Отклонения в любую сторону – «ниже» или «выше» – могли привести к катастрофе: всходы либо засыхали от недостатка влаги, либо гнивали от избытка. К счастью, такое случалось редко, и урожаи обычно бывали обильными. Это обеспечивало излишек продуктов, превышающий норму выживания – а значит, и рост населения, и развитие сложной цивилизации.

По сути, география одарила Египет двойным преимуществом: помимо ежегодного чуда разлива даже форма речной долины благоприятствовала земледелию. В поперечном сечении долина Нила слегка выпуклая, уровень земли выше всего у самой реки (за счет накопления остатков прежних паводков), а низины расположены по краям заливного пространства. Благодаря этому долина особенно пригодна как для естественной ирригации водами разлива, так и для искусственной, поскольку вода сама собой скапливается – и долго остается – именно на тех полях, которые лежат далеко от берега реки и, соответственно, скорее пересыхают. Кроме того, длинная и узкая долина подразделяется на несколько природных бассейнов, размеры которых позволяют обрабатывать и засевать их силами местного населения. Этот фактор был особенно важен в период консолидации ранних царств, таких как Тинис, Нубт и Нехен.

Тот факт, что Египет не остался раздробленным на ряд соперничающих центров власти или воюющих между собой городов-государств, как случилось со многими соседними странами, а вместо этого был объединен при Нармере, также можно объяснить влиянием Нила. Река всегда служила транспортной артерией для всей страны. Жизнь в Египте полностью зависит от животворящих вод Нила и ныне – а в древние времена никакое сообщество в Долине не могло выжить на расстоянии нескольких часов ходу от реки. Вынужденная близость населения к Нилу позволяла господствующему классу осуществлять полный экономический и политический контроль над народом без особого труда.

Будучи основным географическим фактором страны, Нил также служил для всех египтян чем-то вроде грандиозной метафоры. Поэтому правители Египта отводили реке и ее ежегодному разливу ключевую роль в государственной идеологии, которую они разработали, чтобы оправдать свое господство в глазах населения. Политическую ценность религиозной доктрины можно отчетливо разглядеть, если мы обратимся к одному из самых ранних мифов о сотворении мира, разработанных в Иуну (греческий Гелиополис). Согласно этому рассказу, океан Нун отступил, открыв земляной холм, точно так же, как суша выступала из-под воды после паводка. Таким образом подчеркивался творящий потенциал, скрытый среди хаоса. «Первозданный холм» стал сценой для акта творения, а бог-демиург возник одновременно с холмом

была построена британцами. Строительство ее дамбы по проекту сэра Уильяма Уилкокса началось в 1899 году и закончилось в 1902 году. В дальнейшем выяснилось, что высота плотины недостаточна, и ее дважды пришлось увеличивать – перед Первой мировой войной и в начале 1930-х годов. После египетской революции 1952 года началось проектирование следующей дамбы, в 6,5 км вверх по течению (в створе уже существующего водохранилища). Однако США и Англия отказались давать кредит на ее строительство, и в результате в 1958 году Египет принял помощь СССР, предоставившего для этого кредит и техническое содействие. Строительство Верхней (в отечественной литературе – Высотной) Асуанской плотины началось в 1960 году, торжественное открытие и ввод в эксплуатацию Асуанского гидроэнергетического комплекса состоялись в январе 1971 года. (Прим. ред.)

и сидел на нем. Имя его, Атум, означает одновременно и «цельность», и «небытие». В египетском искусстве Атума обычно изображали в двойной царской короне, поскольку он считался творцом не только Вселенной, но и политической системы Древнего Египта. Смысл этого отождествления ясен и однозначен: если Атум был и первым живым существом, и первым царем, тогда упорядоченность творения и порядок политический взаимосвязаны и неразделимы. Сопротивление царю или его учреждениям приравнивалось к безбожию.

Несколько иная версия мифа повествует о том, как на возникшем холме вырос тростник, и бог неба в облике сокола слетел на него, поселился на земле и тем самым благословил ее. На всем протяжении истории фараонов каждый храм в Египте служил напоминанием об этом моменте творения: святилища старались располагать на возвышениях – «копиях» первоизданного холма; творение как будто постоянно возобновлялось. Далее миф касается основных параметров бытия: разделение людей на мужчин и женщин; создание стихий воздуха и воды; противопоставление земли и неба; и, наконец, явление первой семьи богов, которым, как и водам Нун, породившим их, были свойственны признаки и порядка, и хаоса. Всего, вместе с Атумом и его прямыми потомками, упомянуто девять божеств – это число, три раза по три, в представлении древних египтян было символом исчерпывающей полноты.

История творения в ее древнеегипетской версии отличается философской сложностью и тонкостью обоснования царской власти – но наибольший интерес представляет то, как глубоко отразилось в коллективном сознании древних египтян уникальное сочетание противоположностей окружающей среды: размеренность и внезапность, надежность и угроза, и ежегодная надежда на возрождение и новую жизнь. Это раз и навсегда определило облик их цивилизации.

Обе страны

Нил был не только основой и вдохновителем древнеегипетской культуры; он также являлся и стержнем, скрепившим всю историю страны, свидетелем царских кортежей, перевозки обелисков, процессий богов, военных походов. Долина и дельта Нила – «Обе страны», по терминологии самих египтян, – были тем фоном, на котором происходили подъемы и падения Древнего Египта; географическое строение страны служит ключом к пониманию долгой и сложной истории Египта.

От древних времен до нас не дошла ни одна карта Египта, но, если бы такая была, нам бросилось бы в глаза существенное отличие от карт современных. Древние египтяне ориентировались относительно юга, поскольку именно с юга течет Нил, и с юга начинался паводок. В их понимании юг находился «наверху», а север – «внизу». Египтологи увековечили этот необычный взгляд на мир, обозначив южную часть страны как «Верхний Египет», а северную – как «Нижний Египет». В соответствии с этой ориентацией запад находился справа (в Древнем Египте эти слова были синонимами), восток – слева. Египет образно называли «Два Берега», ставя знак равенства между всей страной и долиной Нила. Другим, более расхожим, было название Кемет, «Черная Земля», относящееся к темной аллювиальной почве, источнику плодородия; с ней контрастировала Дешрет, «Красная Земля», то есть пустыня. Что касается Нила, у египтян не было нужды в особом именовании: это была попросту Итеру, «Река». В их мире другой не было.

Хотя Нил и способствовал объединению, характер его течения отнюдь не однороден. На своем пути от Тропической Африки к Средиземному морю он формирует самые различные ландшафты, которыми древние египтяне научились пользоваться. Они считали, что Река начинается от Первого порога, близ современного города Асуан, – узкого места с очень быстрым течением, которое образовано выходами твердых гранитных пород. Каждый год в начале разлива прибывающая вода, стиснутая здесь высокими берегами, громко ревела и бурлила. На этом основании древние египтяне верили, что поток возникает из глубокой подземной пещеры

под Порогом. На усеянном валунами острове Абу (греческий Элефантина) посреди Нила они поклонялись силе природы в облике бога-барана Хнума, там же находился колодец, с помощью которого измеряли высоту подъема воды, чтобы заранее узнавать о приближении паводка¹⁹.

Опасные быстрины и подводные камни делали Первый порог непроходимым для судов, но древние египтяне сумели извлечь пользу и из этого неудобства. Абу («слоновый [город]», названный так из-за его участия в торговле слоновой костью) стал южным пограничным форпостом Египта: ведь его было легко защищать, и с этого места можно было следить за подходами к реке со стороны юга. Абу также был естественным отправным пунктом для караванов, направлявшихся через Куркур, Дункул и оазис Салима к тракту, известному теперь как Дарб эль-Арбайн («сорокадневная дорога»), который идет от Эль-Фашера в Дарфурской области Судана до Асыута в Египте. Он и в древности также был главным торговым путем через Сахару в направлении с севера на юг.

Продолжающиеся археологические изыскания открывают всё новые факты о том, какую важную роль играли тогда пути через пустыню; очевидно, что контроль над этими проторенными дорогами был стратегически не менее важен, чем над судоходством по реке. Подъем Абу и других ранних городов обусловлен их расположением, благоприятным для путешествий обоих видов. На протяжении всей древнеегипетской истории Абу и область у Первого порога были преддверием Египта. Когда корабли, плывущие на север с завоеванных территорий, причаливали к острову Бига около Порога, их экипажи, наверное, ликовали: наконец-то они дома.

Севернее Абу Нил течет между утесами из твердого нубийского песчаника. Полоса пахотной земли предельно сужается по обе стороны реки – кое-где она составляет не более пары сотен ярдов. Соответственно, население этой части Верхнего Египта никогда не было многочисленным. Но здесь имеются другие природные преимущества, которыми древние египтяне не преминули воспользоваться. В частности, вадии, расположенные по обоим берегам Нила, позволяют проникнуть глубоко в окружающие пустыни, тем самым обеспечивая доступ как к торговым путям, так и к месторождениям ценных полезных ископаемых – драгоценных камней, меди и золота. Эти факторы компенсировали нехватку сельскохозяйственных угодий и превратили южную часть долины Нила в важнейший экономический регион, что обусловило и его политическую важность на протяжении всей египетской истории, от доисторического Нехена до Аполлонополиса Магна (современный Эдфу) в римский период.

Резкая перемена в геологическом строении долины Нила происходит в Джебель эль-Силсила, в 40 милях к северу от Абу, где нубийский песчаник уступает место более мягкому египетскому известняку. Высокие песчаниковые утесы, возвышающиеся прямо над водой, служили четким ориентиром для судов, плывущих и вверх, и вниз по реке. Они же были удобным источником строительного материала – больших блоков песчаника, из которых строили огромные здания на более поздних этапах развития египетской цивилизации.

За Джебель эль-Силсила долина расширяется, пейзаж становится спокойнее, холмы, обрамляющие ее – ниже. Сельскохозяйственный потенциал этой области гораздо больше, а потому и население здесь многочисленнее, чем на дальнем юге. На этом основании возникли и неуклонно разрастались Фивы, крупнейший город Верхнего Египта на протяжении всей древней истории страны. Главные населенные пункты всегда располагались на восточном берегу Нила, где долина шире; крутые же обрывы западного берега, с пустыней, раскинувшейся у их подножий, представляли собой идеальное место для захоронений – удобное своей близостью

¹⁹ Всего на Ниле есть 20 порогов, из них 6 – самые крупные. Только один находится на территории Египта, остальные – в Судане. Эти пороги представляют собой не торчащие посреди русла камни, а скальные стены, тянущиеся по обоим берегам на многие километры (от полутора десятков до сотни), стиснутый ими поток делает водную преграду совершенно непреодолимой. Долина Нила в районе первых порогов очень узка: ширина ее здесь всего около километра – при ширине 20 километров в самом широком месте выше. Поэтому Первый порог служил и естественной границей, и наилучшей защитой Египта. (Прим. перев.)

к городу и всё же уединенное. Таким образом, Фивы были разделены, как географически, так и идеологически, на город живых (где восходило солнце) и город мертвых (где солнце закатывалось). Полезна была также сеть дорог и троп, пересекавших пустыню за холмами западного берега. Тот, кто контролировал эти пути быстрого доступа в разные точки страны, получал серьезное стратегическое преимущество. Неудивительно, что они были предметом раздоров и играли решающую роль в напряженные моменты египетской истории. Кроме того, они позволяли Фивам регулировать доступ в Нубию с севера.

На небольшом расстоянии от Фив русло Нила изгибается на восток, образуя «излучину Кена», которая подводит реку максимально близко к Красному морю. Поэтому восточный берег был естественным пунктом отправления экспедиций в горы близ Красного моря – т. е. в золотые рудники и каменоломни, – и к самому морю. Фараоны часто посылали торговые экспедиции из портов на Красном море в отдаленную, сказочную страну Пунт (побережье Судана и Эритреи). При Птолемеях и римлянах Красное море открывало самый короткий морской путь в Индию, и в пустынях к востоку от излучины Кена кипела торговая и военная деятельность.

Севернее Кены долина Нила снова меняется, становится гораздо шире, изъеденные эрозией утесы здесь едва виднеются на горизонте. Несмотря на то что северная часть Верхнего Египта наиболее развита в сельскохозяйственном отношении, она всегда оставалась «тихой заводью», поскольку была отчасти изолирована от центров политики. Единственным заметным исключением в доисторический период и при ранних династиях стал Тинис – возможно, потому, что он господствовал над самым коротким путем от Нила к оазисам. В более поздние периоды престиж Абджу как древнейшего царского некрополя придал ему важное религиозное значение, и он стал главным центром паломничества во всем Египте, причем этот статус остался за ним навсегда. Во время гражданской войны, последовавшей за падением Древнего царства, Абджу был главным призом, и его область неоднократно становилась ареной борьбы между соперничающими центрами на севере и юге Египта.

Ниже по течению долина Нила опять сужается вблизи от современного города Асьют. Название Асьют выводится из древнеегипетского топонима Саути, что значит «охранитель», и это логично, так как Асьют охраняет и подход с севера к верховьям реки в Верхнем Египте, и, с другой стороны, подходы с юга к столице и портам на Средиземном море. Поэтому Асьют всегда был естественной «точкой перелома» территориальной целостности Египта: когда страна раскалывалась, как бывало в разные периоды, на северную и южную половины, граница всегда проходила по Асьюту. Город также охраняет границу Египта (Дарб эль-Арбайн), так что его стратегическое значение трудно переоценить.

Севернее Асьюта опять появляются обширные, пышные поля, придающие безмятежную и вневременную красоту этому отрезку долины, который иногда называют Средним Египтом. И здесь дороги через пустыню на западном берегу также обеспечивают удобный доступ к оазисам Сахары, а оттуда – к Судану. Однако наиболее примечательна в этом регионе не сама долина, но большая, плодородная низменность Файюм, которую питает рукав Нила, Бахр-Юсуф, отходящий от основного русла реки в Асьюте. В центре Файюма лежит обширный водоем Биркет-Карун, питающий земли Сахары. В древности вокруг него кишела всевозможная живность, зеленела пышная растительность и было возможно продуктивное земледелие. С самого начала истории государства Файюм привлекал фараонов как место отдыха, здесь строились летние дворцы. В период Среднего царства, а особенно при Птолемеях, здесь проводились обширные работы по ирригации и осушению земель; в результате посреди Западной пустыни возник «второй Египет»²⁰.

²⁰ Файюм – большой оазис, расположенный на 45 метров ниже уровня моря. На его территории находится город Эль-Файюм. В Древнем Египте он назывался Шедет, то есть «море». Основан около 4000 года до н. э., это самый древний город в

Со стратегической точки зрения, наиболее важным для всего Египта является то место, где долина Нила резко расширяется и река разделяется на ряд рукавов, впадающих в Средиземное море. Этот регион, образующий связку между Верхним и Нижним Египтом, древние египтяне называли «равновесием Двух Земель»; после объединения он стал очевидным местом выбора для расположения столицы, поскольку отсюда можно управлять обеими частями страны. Здесь находился древний Мемфис, здесь стоит и современный Каир: верховья Дельты остаются административным средоточием Египта уже более пяти тысяч лет. Важность региона для фараонов подчеркивается присутствием пирамид, которые выстроились на краю пустыни к западу от Мемфиса на протяжении около 20 миль.

В вопросах идеологии и политики древние египтяне относились к Верхнему и Нижнему Египту одинаково; однако наши нынешние знания о Дельте гораздо скуднее, чем о долине Нила. Это объясняется в первую очередь тем, что за сотни лет регулярно накапливающийся ил похоронил многие древние руины, а физические и климатические условия здешней местности остаются неблагоприятными. Контраст с узкой, четко очерченной долиной разительный. Дельта представляет собой обширные пространства плоских, низменных земель, тянущихся до горизонта, с разбросанными кое-где пальмами. Опасные топи и запутанная сеть рукавов Нила, переплетенных с мелкими протоками, крайне затрудняют проникновение в эти места. Дельта предоставляет прекрасные возможности для выпаса скота и успешного земледелия, оставаясь, тем не менее, маргинальной территорией из-за постоянного риска затопления рекой либо морем. Древние египтяне, осознавая этот факт, прозвали Нижний Египет Та-Меху, «затопленная земля».

К тому же здесь у Египта был незащищенный северный фланг: западная часть Дельты не могла сдержать набеги ливийцев, а в восточную легко проникали племена из Палестины и других стран. В периоды слабости Египта окраины Дельты попадали под власть чужеземцев, а при крепком центральном правительстве там возводились крепости – база для военных походов против врагов Египта – и создавалась буферная приграничная зона. К концу эпохи фараонов значимость Дельты повысилась благодаря ее связям в Средиземноморье и близости к новым центрам власти древнего мира – прежде всего к Греции и Риму.

По мере приближения Нила к устью болота Нижнего Египта уступают место солоноватым лагунам вблизи от побережья и песчаным берегам Средиземного моря. Этот пейзаж неустойчив, он балансирует между сушей и морем и для древних египтян служил напоминанием о том, насколько хрупко равновесие их собственного существования. Окружающая среда как бы подчеркивала, что поддержание порядка зависит от равновесия противоположностей: плодородный чернозем и сухая красная земля; восток как царство живых и запад как царство мертвых; узкая долина Нила и широкая дельта; ежегодная борьба хаоса половодья с надежностью суши.

Если география Египта сформировала менталитет его обитателей, то завершили этот процесс ранние правители страны, которые сумели разработать и внушить народу идею, что единственным столпом, способным поддержать разнонаправленные силы в равновесии, является царь.

нынешнем Египте. В додинастическую эпоху земля вокруг современного Эль-Файюма была заболочена. На территории оазиса расположено озеро Карун (на *древнеегипетском* Мер-ур, на *греческом* – Меридово озеро) площадью около 233 км². Карун является остатком гораздо более крупного озера, располагавшегося на этом же месте, которое постепенно высыхало по причинам, до сих пор неизвестным. Ныне оно солено и непригодно для полива полей, но в период Древнего царства Меридово озеро было пресноводным и активно использовалось. Но уже в те времена уровень воды понизился настолько, что Аменемхет I (XII династия) провел ирригационно-дренажные работы, и вода поднялась до нынешнего уровня. В 1950-х годах была предпринята попытка восстановления озера, однако отвоевать у пустыни когда-то плодородные земли не удалось. Жизнь в Файюме поддерживается благодаря наличию Бахр-Юсуфа («канала Иосифа») – не рукава Нила, как пишет автор, а канала, который был вырыт по приказу фараона Аменемхета IV с использованием одного из малых рукавов Нила. В период Нового царства канал имел пять метров в глубину и две дамбы, регулировавшие водосток. Он высох вместе с Меридовым озером во времена Птолемея – но был восстановлен арабами, которые считали, что его построил библейский патриарх Иосиф. (*Прим. перев.*)

Глава 2. Бог воплощенный

Царь, да живет он вечно

Объединение Египта в 2950 году создало первое в мире национальное государство. В наши дни такой тип социально-политического устройства кажется и естественным, и целесообразным: наше процветание (или бедность), наши права и обязанности, наши свободы (или их отсутствие) во многом зависят от национальности. Наша планета, за исключением Антарктики, поделена на государства числом более двухсот. Но ведь так было не всегда. До окончания четвертого тысячелетия до н. э. такие государства не были известны. Идентификация и лояльность определялись относительно семьи, общины или области. Концепция государства национального – т. е. политического образования, на территории которого проживает один народ, – была изобретена древними египтянами²¹.

Начиная от Нармера, первые цари Египта должны были править системой совершенно нового типа: его население объединяли не только структуры управления, но и общие духовные ценности. Перед царями стояла беспрецедентная задача: внушить национальное самосознание очень разным людям, живущим вразброс на длиннейшей полосе земли, от Первого порога до берегов Средиземного моря. Широкое распространение четкого осознания «египетскости» следует считать одним из важнейших достижений первых правителей Египта. Личная заинтересованность правящей элиты была не последней из его побудительных причин. Ведь доктрина божественной царственности определила всё дальнейшее развитие цивилизации фараонов, привела к созданию таких прославленных творений, как пирамиды, и вдохновила строителей великих гробниц и храмов, сохранившихся до наших дней.

Господство монархии в древнеегипетской культуре и истории сказалось даже на той системе, которой мы пользуемся, чтобы подразделить те три тысячи лет, которые прошли от воцарения Нармера до смерти Клеопатры. Общепринятое деление эпох по культурным достижениям (таких как каменный, бронзовый, железный век) в хронологии Египта не используется. Вместо этого служит схема, основанная на перечне царских династий. В некотором смысле она особенно подходит для самой консервативной из всех древних культур: ныне мы пользуемся практически той же системой, что была предложена Манефоном, древнеегипетским жрецом и историком, жившим 2300 лет назад. Сделав ретроспективный обзор истории своей страны на основе храмовых летописей, Манефон разделил царей Египта на 30 правящих домов, или династий. Начинается его схема с Менеса (царя, которого мы знаем под именем Нармер), основателя I династии (ок. 2950 года до н. э.), а заканчивается на Нектанебе II (Нахторхебе), последнем царе XXX династии (360–343 годы до н. э.). Современные ученые для полноты картины добавили еще XXXI династию, включающую персидских завоевателей, кратковременно правивших Египтом между смертью Нахторхеба и завоеванием Александра Великого. Македонский дом и династия Птолемеев, основанные, соответственно, Александром и Птолемеем, в схему Манефона не входили. Но хотя эти цари не были египтянами по происхождению и поддерживали традиционную систему управления лишь отчасти, важность династической передачи царственности осознавалась и на позднем этапе истории Древнего Египта.

²¹ Весьма спорное утверждение. Прежде всего, отметим, что ставить знак равенства между понятиями «гражданства», «национальности» и «этноса» явно рано и для современного мира – в большинстве государств речь может идти лишь о наличии государствообразующего этноса. Делать подобные выводы касательно древних государств, учитывая огромную разницу в социальных системах и неполноту имеющейся информации, по меньшей мере рискованно. В любом случае население Древнего Египта изначально сложилось из различных племен, и на его территории всегда проживали некоторые количества соседних народов, о чем ниже пишет сам Уилкинсон. (*Прим. перев.*)

В соответствии с древнеегипетским идеалом, увековеченным в храмовых рельефах и надписях, династии, по Манефону, образуют единую, непрерывную последовательность царей, восходящую ко «временам богов» – то есть в конечном счете к моменту творения. Этот идеал, в свою очередь, отражал доктрину, выдвинутую царским двором, согласно которой бог-творец Атум установил образец царственности «в начале времен», а каждый последующий правитель был законным преемником власти, благословенной богами.

Реальность, разумеется, была совсем иной. В периоды разлада случалось, что в разных областях страны несколько правителей могли присвоить себе царские титулы и править одновременно. Поэтому в нашем понимании XXII, XXIII и XXIV династии, по Манефону, частично совпадают между собой. Часть указанных им династий (например, VII) полностью вымышленные, они возникли в результате неверного прочтения древних храмовых документов; наконец, династии IX и X были, по-видимому, одной правящей семьей, а не двумя. За исключением этих поправок, система Манефона оказалась весьма надежной и удобной. И тот факт, что и древний историк, и мы пользуемся ею как ориентиром в древнеегипетской истории, подчеркивает первостепенную важность фактора монархии для понимания цивилизации фараонов.

Фактически монархия как форма организации государства была изобретением египтян. Среди ранних цивилизаций древнего мира только в Египте такой способ правления был введен с самого начала его истории. В Месопотамии (современный Ирак) города-государства базировались на местных храмах, политическая и экономическая власть была сосредоточена в руках верховных жрецов. Лишь позднее развилась монархическая система, и она никогда не достигала такого уровня цельности или всемогущества, как египетская.

А в долине Нила цари правили народом с доисторических времен. Недавние раскопки раннего царского некрополя в Абджу выявили захоронения, датируемые периодом около 3800 года. В одном из них найден керамический кубок, украшенный изображением царя, которое можно считать самым ранним из найденных. Мы видим высокую фигуру человека с пером, воткнутым в волосы; в одной руке он держит булаву, в другой – веревку, которой связаны три пленника. Покоренные враги, сочетание булавы и пера в прическе – которое встречается также на доисторических наскальных рисунках Восточной пустыни – позволяет идентифицировать изображенного как царя, даже если он, вероятно, правил лишь небольшой территорией. Царственность появилась примерно в то же время, насколько можно судить, и в Верхнем Египте. Это следует из находки в пустыне близ Нехена фрагмента керамики из Нубта, украшенной изображением венца и монументального здания с колоннами²².

Примерно к 3500 году уже сложилась характерная для царской власти иконография; она ярко выражена в одном из захоронений в Нехене, известном под названием «Гробница с росписями». Одна из внутренних стен ее погребальной камеры была оштукатурена и расписана: сцены, оформленные в виде фриза, повествуют об участии царя в различных ритуалах. Особое место отведено впечатляющей процессии лодок, но в углу этой композиции показан царь, повергающий трех связанных пленников. Этот мотив, уже присутствовавший на сосуде из Абджу, стал основным образом египетской царственности. Мы встречаем его начиная с палетки Нармера, а затем на стенах храмов до самого конца цивилизации фараонов. Символы ранних царей были не только жестокими... но и устойчивыми.

²² Автор в своем увлечении Египтом упрощает общую ситуацию и преувеличивает степень самодержавности египетских монархов. В научной литературе можно найти и другие мнения на этот счет. Фигура на древнем сосуде указывает на высокий статус – но племенных вождей хоронили не менее богато, чем впоследствии царей. Символы власти, конечно, вполне могли быть заимствованы потомками – но сосуд сам по себе не является доказательством монархического строя. (Прим. перев.)

Корона и скипетр

В процессе формирования государства быстро развивалось и искусство, которое должно было выражать идею царственности по мере ее развития и оформления. Мы можем проследить эти изменения на ряде церемониальных предметов и памятных надписей. Особенно впечатляет так называемая Львиная палетка, схожая с палеткой Нармера, но датируемая примерно столетием раньше²³. Если памятный знак Нармера показывает на самом видном месте царя в человеческом облике, то на более старой палетке правитель имеет вид огромного льва, топчущего и грызущего врагов, лежащих ниц на поле боя. Художник явно стремился показать царя как силу природы. В том же духе трактуется победоносный египетский царь на надписи, вырубленной примерно тогда же в местности Джебель Шейх-Сулейман вблизи от Второго порога Нила в Нубии: он показан как гигантский скорпион, держащий в своих жвалах веревку, которой связан побежденный нубийский вождь. От времени Нармера до нас дошел цилиндр из слоновой кости, где царь имеет вид злобного нильского сома, побивающего большой палкой ряды пленников. Суть иносказания ясна: царь – не простой смертный, правящий благодаря своим способностям и происхождению; он также обладает силой и свирепостью диких животных, сверхчеловеческой мощью, дарованной ему милостями богов. Чтобы подняться над своими подданными, правители доисторического Египта стремились приобрести богоподобный статус.

Кульминацией этих тенденций стала палетка Нармера. Ее форма напоминает о временах, когда скотоводы-полукочевники носили всё свое имущество с собой и могли проявить художественные склонности, только разрисовывая собственное тело. В ритуальной жизни такого общества раскраска лица играла важнейшую роль, и косметические палетки были любимым и ценным предметом. Но ко времени Нармера они стали уже чем-то вроде памятного знака, отмечающего важнейшие события, в данном случае – проявление всемогущества и божественности царя.

Отделка палетки Нармера также соединяет два мира, два века. Плоское углубление посередине, напоминающее о ее практическом назначении, обрамлено сплетенными шеями двух сказочных созданий, которых слуги держат на поводках. Эти «змеепарды» (леопарды со змеиными шеями) – не египетские по происхождению. Они принадлежат к художественному канону Древней Месопотамии. Заимствование произошло в период интенсивного обмена между двумя великими культурами на рубеже истории, когда идеи и влияния с берегов Тигра и Евфрата достигали отдаленной долины Нила. Династические правители Египта были заинтересованы в укреплении своей власти и влияния. Им требовались проверенные и надежные способы демонстрации того и другого, и они охотно заимствовали за рубежом то, что им подходило. Поэтому на протяжении нескольких поколений культура египетской элиты усвоила ряд месопотамских изобразительных мотивов, позволяющих выразить сложные, отвлеченные понятия – например, царственность (розетка) или соглашение между противоборствующими силами (два сплетенных зверя). Но как только заимствованные идеи давали желаемый эффект, их вытесняли местные изобретения; пожалуй, единственное, что не было отброшено, – это месопотамский стиль в архитектуре царского дворца и других общественных зданий. В палетке Нармера отражен этот момент поворота в истории культуры: месопотамские мотивы на одной стороне, чисто египетские – на другой. Египетская цивилизация достигла совершеннолетия и обрела собственный голос.

²³ Описываемый предмет в английской литературе именуется «*Battlefield palette*», то есть «палетка поля боя». Всего известно 9 таких палеток, происхождение большинства из них не выяснено, так же как и точная датировка. (Прим. перев.)

Доисторические и исторические приемы выразительности сочетаются и в изображении самого Нармера. С одной стороны, он показан в виде дикого быка, проламывающего стены мятежной крепости и топчущего поверженного врага. Но, перевернув палетку, мы видим правителя уже не в животном облике: победоносный царь – человек, и этот образ становится господствующим. Идеология царской власти не изменилась, но способ ее выражения претерпел глубокую трансформацию. Отныне изображать царя как животное становится неприлично. Божественность требовала более возвышенных и изысканных образов.

Монархи всех времен пользовались различными способами, чтобы отличаться от своих подданных. Царские регалии воплощают различные атрибуты царственности, они служат чем-то вроде наглядного пособия по действующей идеологии. В христианских монархиях корона с крестом напоминает о том, что власть короля или царя – преходяща, над нею есть власть высшая, божественная, а скипетр является символом справедливого суда. В Древнем Египте регалии тоже указывали на характер царской власти. Многие из их элементов также происходят из доисторической эпохи. Самый ранний из найденных в Египте атрибутов власти датируется периодом около 4400 года – более чем за четырнадцать веков до возникновения династической традиции. Это простой деревянный жезл около фута длиной, с утолщениями на концах. Его нашли рядом с владельцем в захоронении Эль-Омари близ Каира. Большая палка, несомненно, является главным символом власти, и она оставалась знаком высокой должности на протяжении всей древнеегипетской истории.

Однако монархия требует изысканности. Поэтому на раннем этапе развития египетской системы простая палка превратилась в нечто более сложное – скипетр. Как мы уже упоминали, в одной из додинастических гробниц Абджу был найден скипетр из слоновой кости в форме изогнутого пастушеского посоха; эта форма так прочно ассоциировалась с властью, что она стала иероглифом со смыслом «правитель». В сочетании с цепом или стрекалом – пучок веревок с завязанными узелками или нанизанными бусинами, закрепленный на рукояти, – посох стал символом царского достоинства, точнее, обязанности монарха и сдерживать, и защищать свое стадо.

Эти основные царские регалии свидетельствуют о доисторических корнях египетской цивилизации. Они уводят нас в прошлое, где основой пропитания было скотоводство, где человек, орудуя посохом и цепом, – тот, кто надзирал за стадами – был и вождем своего общества. Отзвуком тех же времен является странное украшение, которым снабжена фигура Нармера на обеих сторонах палетки: бычий хвост. Оно служило указанием на то, что царь обладает мощью дикого быка, самого страшного и свирепого представителя фауны Древнего Египта, и обеспечивало подсознательную связь между династической монархией и ее додинастическими предшественниками.

Корона – главная регалия монархии. Владыки всегда старались носить особые головные уборы, которые поднимали их выше остального народа (и в буквальном, и в переносном смысле). Как и концепция национального государства, корона, похоже, является изобретением древних египтян. И, в соответствии с египетским мировоззрением, их цари носили не одну, а две разных короны, символизирующие две половины царства. С самого начала исторической эпохи «красная» корона обозначала Нижний Египет. Она представляла собой плоский угловатый головной убор с высоким коническим выступом сзади, к которому прикреплялось украшение, завитое наподобие хоботка пчелы. Другая, «белая» корона – высокий конический колпак с утолщением на верхушке – была символом Верхнего Египта.

Мы знаем, что египтяне любили отмечать бинарные разделения в природе, но в данном случае оно было создано искусственно. Археологические находки, датируемые доисторическим периодом, свидетельствуют, что обе короны возникли в Верхнем Египте (колыбели царской власти): красная корона в Нубте, а белая – южнее, за Нехеном. Уже после объединения страны более «северную», красную корону назначили символом северного Египта, а более

«южную» – символом юга; древние египтяне были мастера придумывать традиции. А где-то при I династии, лет через сто после Нармера, кто-то додумался совместить обе короны, создав двойной убор, знак господства правителя над двумя землями. С тех пор у фараона имелись на выбор три головных убора. В зависимости от ситуации он мог надеть ту корону, которая подчеркивала нужный аспект его власти.

Изобразительное искусство немало способствовало укреплению авторитета царей, но архитектура, с ее монументальными возможностями, была гораздо эффективнее. Как и другие склонные к тоталитаризму правители в истории, цари Египта увлекались грандиозными постройками, которые могли воплотить и увековечить их статус. С самого начала существования египетского государства монархи сумели применить язык архитектуры для целей идеологии. Был разработан стиль, наглядно выражающий идею царственности. Форма фасада из чередующихся выступов и углублений, создающих резкий контраст тени и света в солнечном климате Египта, была впервые разработана в Месопотамии, в середине четвертого тысячелетия до н. э. Как и другие культурные заимствования в период становления государства, этот архитектурный стиль очень нравился ранним правителям Египта. Он казался и экзотическим, и импозантным: идеальный символ царской власти. И его стали охотно применять при постройке царских дворцов, в том числе и в столичной резиденции царя в Мемфисе, где находились все правительственные учреждения.

Стены дворца были покрыты белой штукатуркой (его называли «Белостенным» – этакий Белый дом древности); здание должно было производить ослепительный эффект. Другие постройки в царских поместьях по всей стране сознательно моделировались по его образцу, и чужой архитектурный мотив вскоре стал одной из характернейших примет египетской монархии.

Главная роль

На протяжении всей истории фараонов иконография и архитектура играли важную роль в создании желательного образа царственности среди народа. В такой стране, как Египет, где до 95 % населения было неграмотно, они действовали особенно эффективно. Однако в древнем мире главная угроза царям крайне редко исходила снизу, от масс. В первую очередь монарху нужно было держать в узде тех, кто стоял рядом с ним, – своих советников. Малочисленная группа грамотных высокопоставленных чиновников, которые занимались делами управления, имели гораздо больше возможностей навредить царствующему монарху. Разумеется, все они, как правило, были обязаны своим постом, статусом и богатством царскому благоволению и потому были заинтересованы в поддержании *status quo*. И всё же умелые идеологи царской власти нашли тонкий способ повысить ее престиж среди образованного класса египтян. В принципе, они подняли положение царя в Египте практически на недостижимую высоту.

Решение в данном случае было подсказано не иконографией, а письменностью. Иероглифы были изобретены еще в конце доисторического периода с весьма прозаической целью – облегчить хозяйственный учет и экономический контроль над обширной территорией. Но довольно быстро выяснилось, что у письменности есть и идеологический потенциал. На палетке Нармера, например, знаки служат для идентификации действующих лиц (царь, его сторонники и противники) и обозначения основных сцен. Словами (знаками) можно было также передать основные понятия царской титулатуры. В современном западном мире титулы почти утратили своё сакральное значение, которое едва просматривается в таких званиях, как «главнокомандующий» или «защитник веры», – но было очень сильно во времена жестких иерархий. В Древнем Египте имена и титулы были весьма значимы, именно поэтому цари не жалели усилий на разработку системы титулатуры.

Древнейшим из царских титулов было так называемое «Горово имя». Им пользовались еще до Нармера. Оно определяло царя как земное воплощение высшего небесного божества, бога-сокола Гора²⁴. Это утверждение было равно и дерзким, и предельно конкретным. Если царь – не просто представитель бога на земле, но воплощение божества, то сопротивляться его власти – значит разрушать сами основы мироздания.

Этот постулат старались подкреплять всеми доступными способами. Царская печать, которую ставили на всех принадлежавших царю вещах или высекали в камне на царских монументах, изображала бога-сокола, стоящего на прямоугольной рамке с Горовым именем царя. Рамка по форме напоминала портал царской резиденции. Все вместе передавало вполне понятную идею: царь в своем дворце действует с благословения бога, и сам он является воплощением бога. Такой формуле монархического правления нечего было противопоставить.

Другой царский титул, встречающийся начиная с царствования преемника Нармера, дает понять, как развивалась дальше идея царственности. Его записывали при помощи знаков коршуна и кобры, в соответствии с иконографией двух богинь. Первая, Нехбет, была связана с городом Нехеб (ныне Элькаб), напротив Нехена, в самом сердце Верхнего Египта. Кобра Уаджет была богиней города Депа, одного из двух городов-близнецов, известных под общим названием Пер-Уаджет (ныне Телль эль-Фарейн) – это был важный центр в области Дельты, и Уаджет считалась покровительницей всего Нижнего Египта.

Итак, два древних божества были избраны символами двух половин страны, а вдвоем эти богини стали защитницами монархии. Это был умный ход: из двух комплексов местных верований и обычаев создать общегосударственную идеологию, сосредоточенную на личности царя. Принятие красной и белой корон было частью того же процесса – как и то, что имени богини Дельты, Нейт, оказывалось явное предпочтение в тронных именовании царских жен раннего периода. Например, жена Нармера звалась Нейт-хотеп, «Нейт довольна». От болот севера до самых южных уголков долины Нила все основные культы – и их последователи – были вовлечены в орбиту идеологии царственности. Это была блестящая демонстрация принципа «объединяй и властвуй», победа религии в масштабах целой страны.

Третий царский титул, принятый в то же время, что и двойная корона, представлял собою еще более сложное определение роли царя. Он состоял из двух египетских слов: *несу бити*. В буквальном переводе это означает «принадлежащий тростнику и пчеле», в переносном – «царь двух стран». Точное происхождение этой формулы неизвестно, мы можем выделить в ней несколько уровней смысла. В первую очередь отметим, что тростник мог символизировать Верхний Египет, а пчела – Нижний Египет; но были и более широкие, сложные коннотации. Сюда вошли самые различные пары противоположностей, над которыми был властен царь, и только он мог поддерживать их равновесие: Верхний и Нижний Египет, Черная и Красная земля, царство живых и царство мертвых, и так далее. Этот титул отражал также основную дихотомию египетской царственности – контраст между сакральным чином («несу») и социальной функцией («бити»). Титул «несу бити» напоминал служащим царя о том, что он не только глава государства, но и бог на земле. Таким сочетанием было опасно пренебрегать!

Чем роскошнее, тем лучше

Правители всех сортов, но в особенности наследственные монархи, инстинктивно ощущали объединяющую силу церемоний, ценность срежиссированных постановок, способность публичного ритуала создавать всенародную поддержку. Древние египтяне были мастерами

²⁴ В более поздней (жреческой) интерпретации Гор (или Хор, от слова «высота», «небо») – бог гор, царственности и солнца. Первоначально бог-сокол почитался как хищный бог охоты, когтями впивающийся в добычу. Сокол как символ побеждающего воина хорошо известен и в Европе (безотносительно к Египту): его можно видеть на древнерусских стягах и гербах западных рыцарей; со временем это слово просто стало эпитетом храброго воина (ср. «сталинские соколы»). (Прим. перев.)

церемониала уже в раннем периоде их истории. Рядом с палеткой Нармера в Нехене нашли каменную, тщательно украшенную булаву, видимо, принадлежавшую одному из предыдущих царей (нам он известен как Скорпион). На ней изображено, как царь исполняет обряд, связанный с ирригацией. Царь открывает плотину при помощи мотыги; рядом слуга, низко склонившийся, держит корзину, чтобы принять взрытую им землю. О торжественности ситуации говорит присутствие носителей опахал, знаменосцев и танцовщиц. Эта сцена, происходившая на заре истории, изображена так живо, что мы ощущаем дух древнейших царских церемоний: практическое действие, превращенное в ритуал с целью подчеркнуть роль царя как гаранта процветания и стабильности.

Из того же клада извлекли еще одну булаву с изображением другой, но не менее важной церемонии. Царь, показанный здесь, уже Нармер, восседает на троне – высоком помосте под навесом – в красной короне, со скипетром-крюком в руке. Рядом с помостом стоят, по обыкновению, двое слуг с опахалами, а также носитель сандалий царя и визирь. Позади них – люди с большими палками: даже сакральная монархия не могла обойтись без охраны. Церемония сама по себе также была по-военному суровой, так как сопровождалась демонстрацией захваченной добычи и взятых в бою пленников пред царским тронem. С этой сценой соседствует изображение трех плененных антилоп в загоне. Аналогия эта отчетлива и не случайна. Идеологическая связь между войной и охотой, между буйными силами природы и противниками царя сохранялась на протяжении всей египетской истории.

Раскопки в городе Нехене были недавно возобновлены; при обследовании места, где были найдены палетка и булава Нармера, удалось получить новые, подлежащие осмыслению сведения о методах возвышения образа первых египетских царей. Тот участок, который ранее считали храмом местного бога-сокола – Гора, – возможно, вообще был не храмом, а площадкой для царских церемоний. Согласно этой интерпретации, насыпь в центре окруженного стеной пространства служила основанием для помоста, где царь показывался во время официальных церемоний. Можно предположить, что площадку использовали для различных ритуалов, в том числе и демонстрации пленников. Тогда получается, что на булаве Нармера изображена реальная сцена. В любом случае предметы, найденные в Нехене, свидетельствуют о существовании культа монархии. Судя по декору изделий из слоновой кости, хранившихся в «Главной сокровищнице», большие булавы крепили на высоких шестах по периметру ограды, а потому можно считать, что булавы Нармера и Скорпиона первоначально служили разграничительными знаками на царском дворе.

Исходя из находок в Нехене, мы можем пересмотреть идентификацию многих зданий на остальной территории Египта – часть тех из них, которые прежде были признаны святилищами, также могут оказаться центрами царского культа. Царь и его деяния, несомненно, преобладали в тематике литературных и художественных произведений периода ранних династий, а другие божества играли лишь вспомогательные роли. На ранней стадии развития египетской культуры ответ на вопрос, где обитают боги, мог быть обескураживающим: в Египте! Да, здесь цари действительно были богами. Монархия не была просто связана с религией – они были синонимичны.

Эта тема осталась доминирующей в цивилизации фараонов до самого ее конца, но у нее имела и темная сторона. Хотя булавы Нармера и Скорпиона – это искусно украшенные предметы, они могут кое-что рассказать нам о характере египетской монархии. Булава была символом власти с доисторических времен по очевидной причине: того, кто носит дубину (исходная форма булавы), нужно уважать и слушаться. Тот факт, что булаву приняли в качестве символа царского могущества, многое говорит о природе царской власти в Древнем Египте. Сцены на палетке Нармера также напоминают нам о жестокости, которая лежала в основе египетской царственности. На одной стороне палетки царь показан с булавой, готовый обрушить ее на врага. На другой Нармер не только уже победил, но и надругался над врагом. Он осматривает

ряды обезглавленных тел, у которых к тому же отрезаны гениталии. Головы и пенисы жертв уложены у них между ногами; только одному из убитых оставили его мужское достоинство. Как это ни печально, нам придется признать, что для древних египтян времен Нармера подобное обращение с поверженным противником было рутинной процедурой.

Царь, находясь на вершине египетского общества, воплощал эту обязательную беспощадность. Хотя царя и изображали как объединителя страны, божественную сущность на земле, чей долг – поддерживать миропорядок, царская иконография также давала ясно понять, что защита мироздания подразумевает уничтожение врагов царя, как внешних, так и внутренних. Нармер и его предшественники приходили к власти насильственным путем, и они без колебаний применяли насилие, когда требовалось ее удержать. Образы, используемые для прославления монархии, были откровенно жестокими: царь в виде льва, гигантского скорпиона, свирепого сома, дикого быка или супергероя, размахивающего булавой, – все это заключало в себе и обещание, и угрозу.

В этом контексте одной из самых жутких сцен из жизни раннего Египта является ряд фигур, украшающих навершие булавы Скорпиона. Они представляют собой царские штандарты, символизирующие различные аспекты власти царя. Но они также служат в качестве виселицы. С каждого из них свисает птица с хохолком, в которой нетрудно распознать чибиса, подвешенная за шею на веревке. В иероглифическом написании чибис (*рехит* на древнеегипетском языке) символизировал простой народ, противопоставляемый малому кругу родственников царя (*нат*), стоявших у руля правления. Таким образом, на булаве Скорпиона простолоудины показаны повешенными по воле царской власти. Этот меседж многократно повторялся потом в египетской истории. Например, постамент статуи царя Джосера, строителя первой пирамиды, украшен луками (обозначающими чужестранцев) и чибисами – так, чтобы царь мог попирать ногами как своих врагов, так и подданных. Египтологов коробит от подобных деталей, но с этим ничего не поделаешь. Авторитарные режимы создаются силой и погибают от силы, и Древний Египет не был исключением.

Самые жуткие примеры этой традиции были найдены в гробницах первых правителей Египта. В Нубте, в некрополе знати, который датируется примерно 3500 годом, кроме обычного погребального инвентаря, нашли еще кое-что. С наружной стороны стен гробницы по ее периметру лежали человеческие берцовые кости, а внутри – набор черепов. Расчлененные тела нескольких людей были, очевидно, захоронены вместе с владельцем гробницы. В Нехене останки, находимые на додинастическом некрополе, часто носят следы скальпирования и обезглавливания. В Адайме, расположенном неподалеку, найдены останки двух человек, которым сперва перерезали горло, а потом отрубили голову. Археолог, нашедший их, предполагал, что это – ранний случай самопожертвования: верные слуги, покончившие с собой, чтобы последовать за своим господином на тот свет. Однако исследование царских гробниц I династии в Абджу заставляет предположить иную, более мрачную трактовку.

При фараонах I династии, преемниках Нармера, царскую гробницу обычно дополняли несколько меньших могил для придворных. В одном случае все люди, ставшие спутниками царя в загробном мире, умерли молодыми – на момент смерти большинству из них было не более двадцати пяти лет. В другой царской гробнице, конца I династии, и царская погребальная камера, и могилы слуг были перекрыты общей крышей. Оба примера однозначно указывают на то, что слуги подверглись ритуальному умерщвлению, поскольку вся свита разом вряд ли очень кстати умерла в один день с монархом. Это могло быть, конечно, и добровольным самоубийством: если узы преданности были сильны, слуги могли захотеть уйти вслед за хозяином. К сожалению, при более тщательном изучении этих захоронений выяснилось, что такое объяснение следует отбросить, поскольку на останках имеются следы удушения (приведшего к смерти). Вывод следует столь же мрачный, сколь и шокирующий: ранние цари Египта обладали властью над жизнью и смертью своих подданных и не упускали случая воспользоваться ею.

Быть простолюдином значило быть покорным; а входить в ближний круг царя значило жить в страхе. Трудно сказать, который из вариантов приятнее...

С максимальным размахом служащих убивали несколько позже: вокруг гробницы Джера, третьего царя I династии (ок. 2900 года), найдено 318 захоронений. Выглядит это так, словно правители Египта, добившись абсолютной власти, постоянно испытывали ее на прочность. Среди тех, кого погребли рядом с царем, чтобы верно служили ему и за гробом, были не только люди, но и животные. Характерно, что для прокормления наложниц и собак предназначалась одна и та же провизия (из оставленных в гробнице припасов). Можно видеть из этого факта, насколько низок был статус слуг при дворе царей Египта. Впрочем, после правления Джера и его преемника Уаджи (Джета) обычай убийства слуг соблюдался все реже, а в конце I династии совершенно исчез. Было ли это вызвано причинами экономическими или религиозными, остается лишь гадать. Ведь уничтожение всего персонала по окончании каждого царствования было нерациональным разбазариванием ресурсов, а древние египтяне отличались удивительным практицизмом.

О человеческих жертвоприношениях свидетельствуют также ярлыки из царских гробниц. Когда-то их привязывали к кувшинам и ящикам, в которых хранилась провизия. На некоторых из них есть рисунки – сцены с участием царя. Два ярлыка, явно относящиеся к одному и тому же событию, изображают мужчину со связанными за спиной руками, стоящего на коленях. Перед ним на полу стоит большая чаша. И не нужно гадать, что происходит, так как рядом стоит человек с длинным ножом, готовый вонзить его в грудь жертвы. Письменных объяснений к этой сцене нет, здесь, несомненно, показано ритуальное убийство пленника – видимо, как часть царского погребения.

Вещи, которые укладывали в царскую гробницу, и слуги, захороненные вокруг нее, должны были обеспечить царю возможность вести в вечности привычный образ жизни и руководить церемониями. Этим объясняется огромное значение гробниц как хранилища царственности: с самого начала подъема Древнего Египта и до исчезновения фараонов самым важным строительным проектом каждого правителя были именно они. Приготовления к похоронам царя требовали больших усилий, затрат труда, материалов и человеческих жизней. Есть мнение, что народ Египта участвовал во всем этом добровольно, как бы исполняя свою часть общественного договора, гарантирующего выживание и процветание страны. Разумеется, что главным заинтересованным лицом в распространении этой идеологии был сам царь: монархии было выгодно подчеркивать свою роль в национальном объединении. В действительности же движущим мотивом правителей была корысть. Царский некрополь I династии в Абджу с его иерархией гробниц царей, окруженных могилами их слуг, был наглядной иллюстрацией египетского общества: государство, над которым абсолютно господствует один человек. Создание и внедрение этой идеологии способствовало формированию цивилизации фараонов, но все имеет свою цену. Как только возник Древний Египет, началось неотвратимое наступление государства на человека.

Глава 3. Абсолютная власть

Экономика и письменность

Никому не удавалось удержать власть, опираясь исключительно на идеологию. Для любого режима залогом долгого и успешного правления является эффективный контроль над хозяйственной жизнью страны, который позволяет усилить легитимность власти. Правители прилагали немалые усилия, чтобы распоряжаться не только жизнями своих подданных, но и средствами их существования. Одним из самых значительных достижений фараонов первых трех династий стало создание государства в привычном для нас понимании. В исторической литературе период становления древнеегипетского государства известен как эпоха Древнего царства, и длился он почти четыреста лет (2950–2575). К началу этого периода завершается процесс централизации страны.

Нармер и его непосредственные преемники столкнулись с проблемой управления огромной страной, которая протянулась на восемьсот километров от берегов Средиземного моря вглубь Африки. К концу раннединастической эпохи центральная власть установила полный контроль над экономикой, что позволило царям финансировать строительство монументальных сооружений. Все это стало возможным благодаря решительности, новаторству и не в последнюю очередь честолюбию первых египетских царей.

Среди всех изобретений человеческой мысли особое место занимает письменность. Невозможно переоценить значение ее преобразующей силы для общества – в передаче знаний, управлении или фиксации исторических событий. Современному человеку трудно представить мир, в котором отсутствует письменная передача информации. Но для древних египтян изобретение письма было поистине революционным открытием. Мы вряд ли узнаем все подробности появления иероглифов, хотя имеющиеся факты и указывают на то, что это открытие не было случайным. В гробнице одного из додинастических правителей, жившего за полтора столетия до Нармера, были найдены костяные таблички с самыми ранними иероглифическими надписями. В коротких сообщениях используются развитые знаки, а сама система письма демонстрирует ту сложность, которая будет характеризовать ее следующие 3,5 тыс. лет.

Вопрос, где впервые появилась письменность – в Египте или Шумере – до сих пор остается дискуссионным. Однако наиболее вероятно, что эта честь принадлежит жителям Междуречья – в частности, расположенного в его южной части города Урук (современный Варка). Возможно, что за несколько столетий до объединения страны египтяне вместе с другими взаимодействиями переняли у шумеров и *идею* письменности. Но это не означает, что они заимствовали *саму* письменность. Иероглифическое письмо было идеально приспособлено к нуждам египетского языка, а его удивительные знаки настолько точно отображали особенности окружающего египтян мира, что и речи не может быть об их внешнем происхождении. Можно представить мудреца при дворе одного из додинастических царей, который увлеченно изучает странные знаки, покрывающие привезенные из Междуречья предметы. Он приходит к выводу, что их можно использовать для передачи знаний и создает такую же знаковую систему для египетского языка. В качестве примера, пусть и не очень удачного, можно привести создание корейского алфавита *хангыль* королем Сечжоном и его советниками в 1443 году н. э. Также существуют и другие, более убедительные теории, объясняющие неожиданное появление сложившейся иероглифической письменности.

Каковы бы ни были обстоятельства появления письма, первые фараоны быстро осознали его потенциал как орудия власти и не преминули им воспользоваться. Для той эпохи, когда царства вели постоянные войны за расширение сфер влияния, возможность сделать опись сво-

его имущества и поделиться этой информацией с другими была удивительным новшеством. Отныне все припасы, которые поступали в сокровищницу фараона и покидали ее, помечались Горовым именем царя. К материалам, которые предназначались для царской гробницы, крепили ярлыки с указанием на них не только принадлежности, но и других важных сведений – содержимое, количество, сорт и место изготовления. Разработанная как средство для учета, письменность была с восторгом принята египтянами, которых всегда отличал формализм в ведении дел. В Древнем Египте грамотность была привилегией небольшой по численности правящей элиты. Поэтому стать писцом, то есть человеком, умеющим читать и писать, означало получить доступ к рычагам власти. Такая ассоциативная связь сформировалась в общественном сознании уже на заре египетской истории.

Появление письменности повлияло и на внешнюю торговлю. Большинство ярлыков из царских гробниц Абидоса (которые благодаря сценам царских ритуалов являются важными памятниками раннеегипетской культуры) изначально крепились к кувшинам с высококачественным маслом, завезенным с Ближнего Востока. Рост импорта во времена I династии мог быть связан с появлением сторожевых застав и торговых постов египтян в Южной Палестине. На присутствие египетских чиновников в регионах производства масла и вина указывают найденные в Нахаль Тилла и Тель-Эрани (современный Израиль) глиняные изделия как египетских (некоторые из них помечены Горовым именем Нармера), так и местных гончаров, выполненные в египетском стиле и украшенные иероглифами. На водах Эн-Бесора, недалеко от современной Газы, египтяне создали центр снабжения торговых караванов, используя для этого приморскую дорогу между Палестиной и дельтой Нила.

Благодаря покровительству государства внешняя политика Египта вышла на качественно новый уровень, чего нельзя сказать об официальной идеологии. Среди своих подданных фараоны поддерживали иллюзию «блестящей изоляции». Согласно официальной доктрине роль фараона как защитника Египта (и всего сущего в целом) включала в себя ведение войн с соседями, которые олицетворяли силы хаоса. Чтобы привить и поддерживать в подданных чувство национальной самобытности, правящие круги поступили так, как впоследствии будут поступать все правители в истории – объявили всех чужеземцев врагами. На костяной дощечке из могилы Нармера мы видим палестинского сановника, почтительно склонившегося перед фараоном. Но в действительности Египет и Палестину связывали тесные торговые отношения, так что под маской ксенофобской идеологии скрывалась иная реальность. Это должно послужить предостережением для всех исследователей Египта: ведь издавна египтяне были искусны в представлении событий в выгодном для себя свете. Письменные источники, какими бы ценными они ни были, все же требуют к себе строго критичного подхода и должны оцениваться с оглядкой на беспристрастные доказательства, добытые лопатой археолога.

Если в отношениях с Ближним Востоком с самого начала присутствовала некоторая неоднозначность, то с Нубией, лежащей к югу от Первого порога Нила, все было проще – Египет добивался господства над этой областью. Первые протогосударства в Нижней (Северной) Нубии с центрами в Сейале и Кустиле сложились одновременно с возвышением в Египте додинастических городов-царств Чени (греческий Тинис), Нубет (греческий Ком-Омбо) и Нехен (греческий Гераконполис). Факт существования утонченной культуры, царских захоронений и систематической торговли с соседями (в том числе и с египтянами) говорит о зарождении цивилизации в Нижней Нубии.

Однако Нубии не суждено было стать великой державой. Письменные и археологические источники рассказывают историю одного из первых завоеваний Египта. Ранние фараоны, стремясь получить контроль над торговыми путями и подчинить врагов, нанесли нубийцам сокрушительный удар прежде, чем те превратились в серьезную угрозу. Наскальный рельеф в Джебель-Шейх-Сулейман (см. о нем выше), изображающий побежденного вождя, которого зажал в клешнях гигантский скорпион, может послужить надежным доказательством агрессив-

ной политики Египта по отношению к Нубии. Второе изображение рядом, датируемое преддверием I династии, вносит в эту картину завершающие штрихи: на ней мы видим фараона, который взирает на опустошенные земли, на мертвых и умирающих нубийцев.

С богатыми городами-государствами Ближнего Востока египтяне вели торговлю и не имели общей границы, а потому были вынуждены поддерживать с ними мирные отношения. Но о том, чтобы смириться с существованием соседа-соперника, не могло быть и речи. После опустошительного вторжения египтян пройдет целая тысяча лет, прежде чем Нижняя Нубия снова обретет мощь. Но даже в таком статусе она будет оставаться досадной помехой для Египта.

Налоги и гробницы

Надежные границы и взаимовыгодная торговля обеспечили раннему египетскому государству господство над долиной Нила и общий подъем экономики. Однако среди населения материальные блага распределялись неравномерно. Захоронения этого времени указывают на растущую пропасть между богатыми и бедными: размеры погребального сооружения напрямую зависели от степени зажиточности его владельца. Наибольшую выгоду из политической централизации извлекло государство, в пользовании которого оказались все пахотные земли. Крестьяне по-прежнему обрабатывали свои участки – но теперь они зависели от землевладельца-арендодателя, который за пользование своим имуществом взимал с них «ренту». Чтобы плодородие почв приносило постоянный доход, цари I династии создали общегосударственную систему налогообложения. В этом, как и во многом другом, им помогла письменность. Впервые в истории Египта центральная власть начала вести учет имущества подданных и облагать их налогами. Некоторые ранние надписи чернилами на глиняных кувшинах времен Нармера сообщают о доходах, поступающих с Верхнего и Нижнего Египта. Это может означать, что страну разделили на две части для более эффективного взимания налогов.

О стремлении правительства контролировать все стороны хозяйственной жизни страны свидетельствуют некоторые меры, принятые при I династии. О них мы узнаем из т. н. Палермского камня – фрагмента царских анналов, составленных во времена V династии (ок. 2400 года) и охватывающих события, начиная с додинастического периода. В самой ранней уцелевшей записи, относящейся к правлению одного из царей I династии (вероятно, Аха, преемника Нармера), описывается процедура, названная «следование Гору», которая проводилась один раз в два года. По всей вероятности, это был объезд долины Нила фараоном и его сановниками (что-то вроде разъездов по Англии, практиковавшихся Тюдорами), который преследовал несколько целей. Во-первых, фараон напоминал подданным о себе. Во-вторых, чиновники получали возможность следить за соблюдением царских указов и общим порядком в стране, разрешать споры и отправлять правосудие. В-третьих, покрывались расходы на содержание двора, так как в течение года снималась проблема его прокормления. И последнее, но не менее важное: облегчались оценка имущества и сбор налогов. Позднее, уже при II династии, двор официально признал рентабельность «следований». В дальнейшем они проводились вместе с формальной переписью обрабатываемых земель. Начиная с третьего царя I династии, в погодных записях Палермского камня содержатся сообщения о ежегодных разливах Нила, которые измеряли в локтях и частях локтя (ладонях и пальцах)²⁵. Такое пристальное внимание к разливам Нила объясняется просто: от них зависел урожай в следующем сезоне и, как следствие, количество налогов, которые поступят в казну.

²⁵ Простой египетский локоть равен 6 ладоням = 24 пальцам = 450 мм, королевский египетский локоть = 7 ладоней = 28 пальцев = 525 мм. (Прим. перев.)

Сбором налогов, которые взимались в виде доли сельскохозяйственной продукции, занималась целая армия чиновников, действовавших от имени фараона. В своей деятельности сборщики налогов нередко прибегали к жестким мерам. Дошедшие до нашего времени оттиски печатей некоторых чиновников позволяют воссоздать процесс работы казнохранилища, которое уже с первых веков существования египетского государства было самым важным ведомством страны.

С собранными податями распоряжались следующим образом. Определенная часть сырья поступала в царские мастерские для переработки (жир, кожа, льняные ткани, хлеб, пиво, плетеные изделия). Из полученных продуктов одни шли на продажу, доход от которой получало правительство, а другие в качестве платы за работу распределялись среди государственных служащих. Таким образом осуществлялось финансирование царского двора и его деятельности. Оставшуюся часть сельскохозяйственной продукции (как правило, зерно) сдавали в царские зернохранилища, расположенные, по-видимому, во всех крупных городах страны. Часть этого зерна также могла использоваться для содержания органов управления, но значительная доля хранилась на случай неурожая, чтобы избежать всеобщего голода. Трудно сказать, что стояло за этим жестом – забота о людях или корыстный расчет. В целом население только выигрывало от такой «страховой политики», хотя за это приходилось платить. Но такова участь всех налогоплательщиков.

Вводя регулярное налогообложение, первые фараоны взялись за реформирование сельского хозяйства и государственного аппарата. Несмотря на то, что усовершенствование экономической и политической инфраструктуры в некоторой степени способствовало улучшению жизни простых египтян, трудно не усмотреть в деятельности правящей элиты стремление к личной выгоде. Царь и чиновники пеклись прежде всего о собственных интересах. В Древнем Египте стабильность и процветание способствовали только строительству еще более роскошных памятников, прославляющих фараона, – а не улучшению условий жизни простого народа.

Наиболее отчетливо ориентация на интересы правящего класса проявляется при фараоне Дене, царствовавшем в середине I династии (около 2850 года). Это время имело огромное значение для становления египетской государственности. За те 30 (по другим данным 40) лет, что он правил, изменениям подверглись почти все аспекты царской власти, начиная с царских титулов и заканчивая архитектурой гробниц. Конечно, при ретроспективном взгляде такое новшество, как лестница, ведущая в погребальную камеру, кажется нам чем-то очевидным – но для того времени оно имело революционное значение и способствовало появлению в будущем грандиозных погребальных памятников. Реформы не обошли стороной даже замкнутый мир царского двора. Палермский камень сообщает о реорганизации пахотных земель в Дельте, которая, вероятно, сопровождалась переселением целых общин для учреждения царских усадеб. Поэтому фараона с натяжкой можно назвать великодушным землевладельцем.

Присвоение целым районам в Нижнем Египте статуса «царских земель» предшествовало более серьезным административным реформам. Чтобы усилить контроль центральной власти над областями, была введена система областной администрации. Долину и дельту Нила разделили на сорок две провинции (*нома*)²⁶, во главе которых стояли назначенные из центра управители (*номархи*), ответственные только перед фараоном. Возможно, что в Верхнем Египте границы провинций соответствовали границам традиционных общин, возникших вокруг ирригационных бассейнов еще в доисторические времена. В Нижнем Египте, напротив, подобный «шаблон» отсутствовал, и провинции формировались более произвольно, складываясь вокруг принадлежащих царю хозяйств. Таким образом, заменив старую систему союз-

²⁶ Название «ном», закрепившееся в исторической литературе, имеет греческое происхождение и относится к более позднему греко-римскому периоду. Египетским соответствием является слово *spt* которое транслируют как «септ», «спат» или «сепат». (Прим. перев.)

ничества новой, более организованной административной моделью, фараон и его приказчики усилили контроль над страной.

Правительственные реформы продолжались всю вторую половину правления Первой династии. Рост числа высших сановников, которым в качестве привилегии даровались оплачиваемые государством роскошные похороны, свидетельствует о существенной профессионализации правительственного аппарата. В Северной Саккаре, главном месте погребения мемфисской знати, первые лица страны строили гигантские гробницы из кирпича-сырца, за которыми закрепилось арабское название «мастаба». Эти величественные строения обещали своим владельцам возрождение после смерти в том статусе, который они занимали при жизни. Сам внешний вид этих гробниц, подражающих царскому Белостенному дворцу Мемфиса, свидетельствует о связи их владельцев с царским домом. Нет ничего удивительного в том, что многие египетские чиновники, если не все они, состояли в родстве с фараоном, который был единственным источником власти.

Одна из таких мастаб в Северной Саккаре принадлежит человеку по имени Хемака, который при фараоне Дене исполнял функции визиря и казначея. Среди его погребального инвентаря особое внимание привлекает инкрустированная деревянная коробочка, которая содержит два древнейших папирусных свитка.

Трудно найти более яркий пример, демонстрирующий связь между письменностью и властью в Египте этого времени: текст самой древней автобиографии высечен на погребальной стеле одного из преемников Хемаки по имени Мерка, он служил последнему фараону I династии. Длинный перечень его титулов раскрывает характерную особенность высшей бюрократии раннединастического Египта. Хотя он и занимал посты, связанные с обслуживанием царя («рулевой царской ладьи», «начальник приемного чертога»), наиболее важной оказалась должность жреца царского культа.

Для таких, как Мерка, служба фараону была единственной возможностью сделать успешную карьеру. В пестрой коллекции административных, придворных и духовных титулов Мерки отражена свободная организация бюрократического аппарата. За исключением разве что казнохранилища, строгого разграничения функций не существовало. Близость к фараону – вот что было важно.

Гробницы, построенные в Северной Саккаре для Хемаки, Мерки и других высокопоставленных сановников, были не просто наградой за верную службу. Они служили грозным напоминанием о незыблемой власти фараона. Вдоль всего Нила – от Гизы и Тархана на севере до Инерти (современный Джебелен) и Иуни (современный Армант) на юге – были возведены эти символы единства страны и могущества царя. Внезапное появление внушительных гробниц в дворцовом стиле, которые возвышались над приземистыми постройками местных общин, должно было вызвать у местных жителей чувство благоговения. Это можно сравнить с тем эффектом, которое произвело повсеместное строительство замков с башнями и рвами в Англии после нормандского завоевания. Смысл был один и тот же – отныне вся страна находится под властью единого монарха и верных ему людей. Под царской ферулой в Египте воцарился новый порядок.

Последним примером того, как утверждалась царская власть, может послужить организация таможенного поста на острове Элефантина. Его построили с целью контролировать движение людей и товаров через границу с Нубией еще в начале Первой династии. Для будущей крепости выбрали возвышенную часть острова, откуда просматривался весь судоходный фарватер. Тот факт, что крепость затрудняла жителям окрестностей доступ в местное святилище, ничуть не волновал правящий класс. Экономический и политический контроль был куда важнее религиозных чувств подданных. Так, с самого начала существования Египетского государства сформировалось пренебрежительное отношение фараонов к населению, которое станет определяющим на следующие три тысячи лет. Ценою национального единства, эффективного

управления и процветающей экономики для древних египтян стало установление деспотической власти царя.

Время перемен

Каа, последний фараон I династии, умер около 2750 года и по установленному обычаю был похоронен в царском некрополе Абидоса. Похоронный кортеж с телом царя вышел из «дворца вечности», окруженного оградой из необожженного кирпича, и медленно направился на кладбище, где фараону надлежало покоиться среди могил предков. Выбранное место соседствовало с глубокой расселиной среди скал – которая, по поверьям древних египтян, была входом в загробный мир.

Вместе с телом царя в погребальную камеру поместили большое количество утвари, которая должна была поддерживать его существование в загробном мире. По периметру захоронения Каа располагаются сопутствующие могилы, где похоронены его слуги. Эти несчастные должны были прислуживать своему господину на том свете. Когда погребение завершилось, вход в камеру был закрыт и опечатан в присутствии наследника Каа – нового фараона Хотепсехемуи.

Так произошла бескровная передача власти от одного царя к другому. В этот момент вряд ли кто-то мог предположить, что Хотепсехемуи откроет совершенно иную эпоху в египетской истории. Поздние же летописцы прозвали его первым царем новой династии. Причиной этому послужило неожиданное решение нового царя покинуть Абидос, где более трех столетий хоронили владык Египта, и перенести кладбище на много миль севернее. Выбранная им Саккара располагалась неподалеку от Мемфиса.

Нам неизвестны причины, побудившие Хотепсехемуи перенести царский некрополь в Саккару. Возможно, он был связан кровными узами с одним из местных родов или ему было важно, чтобы его гробница находилась не где-нибудь в Верхнем Египте, а в месте соприкосновения обеих частей страны. В любом случае архитектура усыпальницы Хотепсехемуи соответствует ее необычному местоположению. Если в прежние времена для строительства гробниц египтяне использовали высушенный на солнце кирпич, то эту гробницу вырубili в скале. Вход в гробницу ориентирован точно на север, а не на рельеф местности. Вместо обычной погребальной камеры, окруженной кладовыми, гробницу пересекает длинный коридор, к которому по бокам примыкают длинные галереи. Внутренняя планировка заканчивается анфиладой комнат, напоминающих современные изолированные квартиры. Собственное посмертное существование серьезно беспокоило Хотепсехемуи – и в загробном мире он хотел жить по-царски, со всеми удобствами. Фараоны Ранеб и Нинетчер последовали его примеру и тоже построили свои усыпальницы в Саккаре.

Тем временем при Второй династии в обществе растет напряженность, которая в середине правления Нинетчера (ок. 2700 года) выливается в гражданскую смуту. Палермский камень туманно сообщает о «разрушении Шем-ра и северного [селения?]». Если предположить, что Нижний Египет действительно временно вышел из-под контроля центра, то становится ясно, почему имена двух или трех фараонов, правивших после Нинетчера, не встречаются на юге страны. Сосредоточенность царей I династии на делах Верхнего Египта могла спровоцировать недовольство населения севера.

Во второй половине правления II династии, судя по имеющимся свидетельствам, происходит дальнейшее углубление кризиса. Через три-четыре поколения в покинутом Абидосе вновь начнут хоронить монархов. Такое решение принял царь, который – уникальный случай в истории Египта – объявил себя земным воплощением не Гора, а Сета, бога пустыни и покровителя города Нубт. Трудно сказать, что толкнуло его на такой радикальный шаг. Возможно, позиции этого царя сильнее всего были на юге страны, где получил распространение

культ Сета. Однако в остальном фараон Сет-Перибсен (ок. 2680 года) всю использовал традиционные атрибуты царской власти. Его усыпальница в Абидосе копирует образцы погребальной архитектуры Первой династии, что является своеобразной отсылкой к истокам Царского Египта. Кроме того, Сет-Перибсен был вторым после Каа фараоном, который построил отдельный погребальный дворец в Абидосе.

Таким образом, материальные памятники этого времени свидетельствуют об активизации центробежных сил. Страна, с таким трудом объединенная прежними фараонами, была вновь расколота, а сам институт царской власти подвергся серьезным испытаниям впервые со времен войн за объединение. Сейчас Египет нуждался в сильном правителе по типу Нармера, способном повести за собой народ и вернуть монархии утраченное величие. Таким человеком стал Хасехем (ок. 2670 года) – последний фараон II династии.

Без Хасехема древнеегипетская цивилизация никогда не прошла бы этап становления, а египтяне так и не построили бы прославившие их пирамиды, храмы и гробницы. Само имя «Хасехем», означающее «появление силы», как нельзя лучше отражает замыслы фараона, которые он сполна воплотил в жизнь. Хасехем сыграл ключевую роль в древнеегипетской истории, так как при нем произошел переход от архаической культуры, унаследовавшей многие черты доисторического прошлого, к прогрессивной цивилизации нового типа.

Как и Сет-Перибсен, Хасехем, вероятно, был уроженцем юга, где находился центр его власти. Особое внимание он уделял Гераконполису, посвятив местному храму статуи и каменные сосуды, а также воздвигнув за городом массивное сооружение, получившее обозначение «Форт». «Форт» является самым древним кирпичным строением в мире: его десятиметровые стены стоят уже более 4,5 тыс. лет! Кроме того, Хасехем восстановил традиционную систему царских титулов и объявил себя воплощением бога Гора, что свидетельствует о его желании править согласно освященным временем обычаям.

Однако определяющим для исторических судеб Египта было не соблюдение формальных традиций, а твердое решение объединить всю страну под одним началом. Две статуи царя в натуральную величину из Гераконполиса изображают его в облегающей одежде, которую фараоны надевали по случаю празднования юбилея правления, – одного из древнейших царских праздников. На постаментах статуй вместо традиционных титулов показаны скорченные фигурки поверженных врагов. Сопровождающие надписи сообщают о «47 209 северных врагах». На двух каменных сосудах из того же храма изображена богиня-стервятник Верхнего Египта Нехбет, которая восседает на кольце, внутри которого вписано слово «мятежники», а надпись гласит: «в год покорения Нижнего Египта». Судя по всему, эти источники сообщают о походе Хасехема против восставшего севера и его последующем подчинении. Успешное воссоединение обеих земель Хасехем отметил сменой имени и титулов. Теперь он стал Хасехемуи – «появление двух сил», с дополнительным эпитетом «тот, в ком умиротворились оба бога»²⁷. Царский серех увенчали сокол Гора и зверь Сета. Смуте был положен конец, порядок восстановлен, а враги склонились перед волей царя.

Прямым следствием консолидации страны стало оживление ее экономической и культурной жизни. Правительство вновь установило жесткий контроль над ресурсами страны. Палермский камень сообщает о восстановлении регулярной переписи, целью которой был учет «золота и земли», то есть минеральных и сельскохозяйственных богатств Египта. Пополнив казну, египтяне без труда восстановили торговлю с Ближним Востоком. Но теперь их целью была не южная Палестина, а город Кебен (греческий Библос, современный Джебейль к северу от Бейрута). Чтобы укрепить дружеские отношения с этим городом, Хасехемуи даже послал местному храму в качестве дара каменный сосуд со своим именем. Купцы из Кебена,

²⁷ Существует и другой вариант перевода имени этого царя: «Воссиявший жезлом» и, соответственно, «Сияющий двумя жезлами (власти)». (Прим. перев.)

в свою очередь, поставляли в Египет такие необходимые материалы, как кедровое дерево и олово. Кедровое дерево было важно для судостроения, поскольку Египет испытывал недостаток в высококачественной древесине, а большие корабли были так необходимы для торговли с Восточным Средиземноморьем. Надпись на Палермском камне, датируемая семнадцатым годом правления Хасехемуи (ок. 2655 года), сообщает о строительстве корабля. Свидетельством торговли оловом могут послужить бронзовые чаша и кувшин из царского погребения в Абидосе. Это самые древние изделия из бронзы в долине Нила.

Открытие передовой технологии бронзы и увеличение доходов от торговли стимулировало строительную деятельность фараона. Без преувеличения можно сказать, что Хасехемуи был самым неутомимым строителем в истории Древнего царства. По всему Верхнему Египту им были возведены новые храмы и завершено строительство святилища в Гераконполисе. Как и Сет-Перибсен, Хасехемуи построил свою гробницу в Абидосе. Даже Гераконполисский форт меркнет перед ограждением его гробницы, которое стоит по сей день. При строительстве гробницы Хасехемуи зодчие руководствовались новыми решениями, соединив архитектурные традиции как Первой, так и начала Второй династии. Фараон словно хотел подчеркнуть, что его правление подвело итог всему предшествующему развитию египетской цивилизации. Он словно заглянул в будущее: погребальная камера выложена из тщательно обработанных известняковых блоков в доселе невиданных масштабах. Иными словами, усыпальница Хасехемуи опередила свое время.

Раньше ученые считали, что Хасехемуи ограничивал свою строительную деятельность только Верхним Египтом. Но, как показали недавние раскопки, строил он и на севере. Вдали от Саккары и от современных туристических маршрутов, куда не заходят даже погонщики верблюдов, в песках пустыни лежат руины гигантского строения. Хотя его стены отчетливо видны на фотографиях, сделанных с воздуха, на земле они воспринимаются как низкая гряда холмов. Размеры этого сооружения впечатляют: приблизительно 400 м в ширину и 800 м в длину. Неудивительно, что местные жители называют его Джизр эль-Мудир, то есть «жилище господина». Частичные раскопки показали, что его стены были выложены из огромных каменных блоков, уложенных наклонно, а углы укреплены рядами кладки на растворе. Пока что не найдены надписи, которые позволили бы установить дату строительства Джизр эль-Мудира – но вполне вероятно, что это сооружение было возведено при Хасехемуи. Таким образом, это третье монументальное строение времен его царствования. Несомненно, что на стадии завершения это был самый большой и впечатляющий памятник, который доводилось видеть Египту. Страна стояла на пороге новой эпохи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.